

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the upper center, a rocket is launching, with a large plume of white smoke and fire trailing behind it. To the left, a figure in a dark suit with glowing orange lines and large, translucent, insect-like wings is shown in profile. In the foreground on the right, a person is depicted from the chest up, wearing a dark beanie with a white skull-like pattern, a red ribbed scarf, and a gas mask with a circular filter. The person's eyes are visible above the mask. The background shows a cityscape with multi-story buildings under a hazy, orange-tinted sky.

НАТАЛЬЯ МАР

16+

ЛИБЕЛЛОФОБИЯ

Кайнорт Бритц

Наталья Мар
Либеллофобия

«Автор»

2020

Мар Н.

Либеллофобия / Н. Мар — «Автор», 2020 — (Кайнорт Бритц)

ISBN 978-5-532-04835-5

Первая книга дилогии. Люди, способные превращаться в пауков, прячут артефакт, дающий власть над их миром. Насекомые, способные превращаться в людей, его ищут. И мирная планета с радужными озёрами становится участником страшного противостояния. Эмбер из расы пауков — послушная девочка и хочет стать мехатроником. Кайнорт из расы насекомых — неуправляемый злодей и хочет крови, рабов и чашечку ботулатте. Теперь там, где он ступает, дождь идёт вверх. Там моются песком, а за водой карабкаются на небо. Злодей отнимет у Эмбер всё: дом, семью, внешность и даже имя. Девочке придётся стать сильнее, чтобы отомстить. Сначала далеко бежать. Потом долго прятаться. И наконец — храбро сражаться.

ISBN 978-5-532-04835-5

© Мар Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог. Злодей, землярка и Чпух	6
Часть 1. Эмбер	9
Глава 1. Дождь идёт вверх	9
Глава 2. Вурдалаки, людоеды и батончик опарышей	15
Глава 3. Глобоворот	20
Глава 4. Ванна с зыбучим песком	25
Глава 5. Внимание на небо, прибывает поезд!	29
Глава 6. Тритеофрен	34
Глава 7. Я никогда не привыкну к мертвецам	41
Глава 8. Крушитель Тараканов из пластиковых стаканчиков	46
Глава 9. Инкарнация	50
Глава 10. Злодей добивается своего	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пролог. Злодей, землярка и Чпух

– Кровь смывают холодной водой.

Так бормочет старуха и вытряхивает в таз глыбы льда. В жаркой, как печь, кабине трейлера с неровных кубиков сочится вода. Эти капли!.. Их хочется собирать языком и пить, пить.

– Не вздумай эту пить, – следя за моим взглядом, грозит карминка, но размягчает морщинку на лбу. – Чистую дам посла. В землярке.

«Землярка»... это что? Это где? Я скребу заскорузлые шёлк и кружево куском льда. Да: от горячей воды кровь свернётся и оставит ржавые пятна. Смешная проблема теперь. Из другого мира, в котором остались чистые манжеты и белые воротнички. Этого мира больше нет, а в новом нет горячей воды. На лбу испарина, а пальцы щиплет от холода, и я стараюсь сосредоточиться на ощущениях, потому что обмороженные руки – самое безобидное, что мучает сейчас. Цепляюсь за боль и жжение, как марионетка за последнюю ниточку. Оборвется – и упаду. Так что пусть болит.

В кабине еле-еле мерцает свет, но даже в нём видно, что кровь оттирается плохо. Алый лёд качается в розовой воде, а я всё ещё выпляжу так, будто восстала из могилы.

– Брось тогда, – цедит старуха. – Сжечь надо, а то выследят по запаху.

– А как же... Замёрзну ведь.

– До землярки недалеко, утром дам одёжу. Умойся да пошли скорей. А то блесклявка потухнет.

Подгоняя нас, липкий ночник шевелится и моргает. Вот-вот отвалится и шлёпнется за шиворот. Зеркала в трейлере нет, но чувствую, что голова и шея у меня в крови. За почти четыре дня она высохла и стянула виски чёрной коркой. Глядя в таз, где пенится бурая жижа, понимаю, что умываются здесь прежде, чем стирают. Новой воды теперь, конечно, не дадут. Впервые в жизни это безразлично до такой степени, что я зачёрпываю жижу и, свесив патлы над тазом, умываюсь пенистой кровью. Обмываю шрамы, такие глубокие, что кажется, от лица совсем ничего не осталось, и думаю, что старухины слова неточные.

Надо бы так:

"Кровь смывают холодной кровью".

Свет даёт блесклявка: люминесцентная медуза. Карминцы носят их с собой и лепят к стене где-нибудь в углу. Блесклявка, если в настроении, пускает щупальца вдоль потолка и неровно светит. Ступив на порог, старуха подцепляет медузу ногтями, отрывает от стены и прячет в платок, а платок затыкает за широкий браслет. Каморка погружается во мрак. Снаружи, за двойной дверью трейлера, холодно. За дни погони я привыкла к непогоде, но в одной шёлковой сорочке меня трясёт. Мы скачем по кочкам и балансируем на скользких зыбунах, застилающих болото. Сколько это – «недалеко до землярки»? Из-за копчёного воздуха не видно ни зги. Старуха сбивает у меня с лица респиратор:

– Ведь мигает же, что фильтры забились! – ругается она. – Почистишь, вот тогда можно. А теперь только добавляет яда. Терпи. Задержи дыхание-то, осталось чуть.

Вместо ответа я киваю и кашляю. Мигать фильтр начал к вечеру первого дня скитаний, но я боюсь признаться. Хотя теперь за меня некому переживать, и старуху вряд ли заботят мои лёгкие, скорей уж глубина могилы, которую придётся копать. Пробую задержать дыхание и не могу. Для этого надо как следует набрать воздуха, а его нет – один дым и смрад. Мы всё идем, и я думаю, что значит чистить фильтры. Как? Чем? Я ещё не привыкла к новому суррогату жизни: от утра до утра. С горизонтом планирования в полдня максимум. От мысли, что завтра попросту нечем будет дышать, накатывает паника. Я забываю, что замёрзла, что голодна. Последние четыре дня одна беда исчезает не потому, что проблема решается, а потому лишь, что появляется другая. А ту вымещает третья. Четвёртая заглушает пятую... Так и живу.

Где-то совсем близко надламывается дощатый настил. Под хриплую брань из сумрака нам наперерез валится... кто-то. Ног не счесть! Красные патлы из кручёных шнурков. Карминец. Подросток. Под мышкой у него бидоны из руженита. У одного от удара съезжает крышка, и вода со страшной силой выстреливает из бидона вверх. Старуха забывает обо мне и ругается:

– Закрывай! Закрывай, олух!

Паренёк бросает целый бидон и возится с побитым, но делает только хуже: под напором утекающей воды крышку срывает целиком, и содержимое взмывает в небо. Старуха отвешивает ему затрещину. А я провожаю взглядом их потерю. Вода сверкает в туче сажи и несётся, несётся вверх. В небе, всего в трёх километрах над планетой вертится ледяная сфера. Орудие пыток. Почти вся вода, что была на планете, теперь там. И эта, из бидона, сбегает, чтобы тоже примёрзнуть к куполу. Мы живём здесь, как внутри ёлочной игрушки.

– Да партизаны весь вечер до тудова карабкались, чтоб наковырять льда, дармоглот! – Не унимается старуха. – Бери шнур, щипцы и чтоб к утру наполнил бидон!

Паренёк спешит убраться восвояси, по пути толкая меня в плечо.

– Из-за вас это всё, – плюет он мне на подол. И расходится уже с безопасного расстояния. – Слышь, Баушка Мац? Ведь из-за пауков же насекомые к нам прилетели, так? Из-за пауков теперь воды нет, еды нет, даже воздуха нет! Не прятали бы тут свои финтифлюхи, отдали бы по-хорошему! Но не-ет: сами сдохнут и нас прихватят. Вот я разве виноват, что вода улетела? Я?

Я не отвечаю. Баушка Мац тоже молчит и тянет меня своим путём.

– Жду не дождусь, когда насекомые и на вашей планете попляшут! – догоняют нас проклятия. – Дрянь восьмилапая!

Ещё десяток кочек – и мы ныряем в землистый рот какой-то пещеры. Затхло, душно. Жарко. Старуха шлёпает на стену блестявку: поменьше и пожиже той, первой. Но в её скудном свете видно, как стены ходуном ходят. Так вот какая она: землярка. Живая! Дышит! Рёбра, будто рыбы кости, тянутся вдоль каморки внутри брюха. В моих руках появляется руженитовый термос, и я опустошаю его тёплые запасы влаги до того, как карминка заканчивает фразу:

– Ты какого имаго?

– Вдова.

– Линька?

– Первая.

– Тогда хорошо, что не превратилась там, – хвалит старуха. – Силы беречь надо. А Чпух дурак.

– Он прав. Насекомым нужны шчеры, а мы прячемся. Всё из-за нас, бабушка...

– И ты дура.

На этом старуха суёт мне шерстяную накидку и уходит. Пройдет ещё много дней, прежде чем я пойму: в зверствах виноваты только звери. А кто думает иначе, и впрямь дурак.

Навьючиваю драные одеяла и сажу так, словно в коконе. Землярка просторная, но кроме меня здесь храпит ещё кто-то. Партизан. Настоящий карминский партизан. Отчего-то страшно. Четыре дня была одна.

Я закрываю красные от горя глаза и вижу только одно: рваные горла и кривой обоюдо-острый нож в руке насекомого. Чтобы заснуть, надо сосредоточиться на чём-то другом. На чём? Тихонько, чтобы не разбудить соседей, наклоняюсь и подбираю уголёк. Нахожу на светлой стене местечко без партизанских скабрез. И рисую.

Плохо представляю, что должно выйти, но рисую на белом холсте чёрные штрихи: брови, ресницы и кант вокруг радужки. Лицо абсолютного зла. Так, говорят, оно и выглядит на самом деле, без скафандра.

Пока я знаю только имя. Кайнорт Бритц.

Молюсь за тебя перед сном – чтоб ты сдох, тварь.

Часть 1. Эмбер

Глава 1. Дождь идёт вверх

Я пришла в восторг от переезда. Перелёта! Новым назначением папы стал Кармин: он работал в посольстве, и мама сокрушалась, отчего после стольких лет безупречной службы его закинули в «эту дыру» на всё лето. Мы с братом долго не могли отыскать Кармин на карте звёздного неба: оказалось, там была воткнута булавка, при помощи которой уголок карты крепился к стене. Это не слишком воодушевляло. Тех, у кого на Урюи оставались друзья, приятели и проверенные годами доставщики кузнечиковых ляжек во фритюре.

Мне же терять было нечего: из-за папиного высокого положения, из-за модных шмоток, из-за того, что у нас с Чиджи было всё, о чем только приходилось мечтать шчерам девяти и девятнадцати лет, друзей у нас почти не водилось. Ну, ещё из-за неуверенности и робости. Но я предпочитала думать, что нам только завидовали. Это не решало проблему, но, по мнению мамино парикмахера, а у парикмахеров, как известно, дарования цирюльника и психолога идут рука об руку, было куда полезнее для самооценки.

Незадолго до переезда лучшая подруга с добрым именем Злайя вышла замуж и улетела на другой континент. А у меня от расстройства случилась первая линька. В девятнадцать тяжело терять друга. Дети через пять минут находят нового, взрослым наплевать, а в девятнадцать тебя это раздражает. После линьки выяснилось, что моё имаго – чёрная вдова. Семья, доценты, балетмейстер – все взрослые гордились так, будто я этого добилась сама, хотя шчеры ведь не выбирают, кем стать. Это всё калейдоскоп генов. Спустя неделю староста факультета призналась, что студенты хотели устроить мне тёмную, если ко всему прочему я окажусь активным диастимагом. Тем, кто живёт по особым законам природы. Но мне «повезло». Всякие сроки давно вышли, а диастимагия не проснулась. Вот тебе и гены. Хоть бы зеркальная, как у папы, и я осталась бы вечно молодой. Ну, нет, так и нет. В девятнадцать жизнь и без всякого волшебства видится бесконечной.

Солнечный, пёстрый Кармин показался лучшим местом для каникул. Когда мы добрались и расставили по полкам разные мелочи, папа приколот к стене местную карту неба. На ней Кармин занял самую середину, а Урюи вовсе не была отмечена. Даже под булавками. Так я впервые поняла на деле, каково это – посмотреть на мир с другой стороны.

– Здорово же, что вот так можно взять – и улететь в другой мир, – повторял Чиджи. – Да, Эмбер? Глянь, какая бриветка попалась усатая! Эмбер!

Был ослепительный карминский полдень, беззаботное лето, и мы выбрались за территорию усадьбы, где запрещалось нарушать идиллию свежестриженных кустов, чтобы посидеть на диком берегу. Озеро состояло из множества крупных неровных резервуаров вроде корыт. Целиком из мрамора, гранита и других самоцветов. Края выступали над поверхностью. Сверху озеро напоминало палитру акварельных красок: в резервуарах, где мрамор выступал высоко и не давал водам смешиваться, были даже свой оттенок воды, свои флора и фауна. Широкое корыто из ларимара, где Чиджи ловил бриветок, усыпала разноцветная галька, и по ней бродили рачки-хамелеоны. Хотелось их сцапать, но мне уже давно было не девять. Сидя на краю, я будто случайно трогала их пальцами ног, подталкивая ближе к брату. У меня на коленях лежали белые каллы.

– А почему ты выкинула розы? – спросил Чиджи.

– Не выкинула, отложила. Эти цветы нельзя в один букет, розы всё испортят.

– Почему? Они такие красивые.

– Красивые... Но каллы будут стоять целую вечность, а розы послезавтра завянут.

– Тогда зачем ты их срезала?

Это был хороший вопрос.

– Больше не грустишь по Злайе? – девятилетка Чиджи быстро переключался.

– Скучаю. Связи с Урюи так и нет, только папин служебный канал. А иногда хочется с другом поболтать.

– Поболтай со мной.

– Это не то же самое.

– Да ведь она всё равно замуж вышла, – Чиджи надулся. – Ей нельзя теперь с посторонними болтать.

После замужества шчеры редко покидали мужнин отшельф – поселение, где заправлял свой диастимаг и жила новая семья. Все прежние знакомства объявлялись «посторонними», отвлекали жену от домашнего очага. Нет, внешние связи не пресекались, но и не одобрялись в отшельфе. Мужья уезжали работать в город. По серьёзным и современным специальностям, даже обучаться которым женщинам запрещалось. Нашим отшельфом заправлял папа. Уитмас Лау.

– Знаешь, как тут делают? – брат отвлёк меня от мыслей об Урюи. – Карминцы же вообще не дружат, как мы. У них нельзя это, неприлично. Когда невтерпёж пожаловаться, ну, или там, поболтать, наугад тыкают номер в линкомме и шлют сообщения. Как в дневник. Только этот дневник как будто тебе отвечает.

– Что отвечает, Чиджи? – я рассмеялась, представляя эти дурачества. – «Ты кто такой, иди-ка к дьяволу»?

– Нельзя говорить «иди к дьяволу»... Не, тут привыкли же. Просто молчат, если не хотят разговаривать.

– А если вычислят и наваляют тебе?

– Да ну, Арлос сто раз так делал!

Хулиган Арлос был новым знакомым Чиджи, сыном поварихи. Он и его мать стояли по пояс в воде в резервуаре из белого мрамора, упираясь в стенки тентаклями. Карминцы, чем-то похожие на сухопутных русалок, мне нравились, хоть и сильно от нас отличались внешне. У них были стройные, рельефные туловища с кожей красноватых оттенков. Длинная изящная шея и гордая посадка головы. Лицо вытянутое, с крупными чертами. Большие раскосые глаза, такие блестящие, будто их шлифовали ювелиры. Рук и ног, в привычном смысле, у карминцев не было. Зато из-под рёбер вниз уходили десятки тентаклей – гибких сухих щупалец. Они-то поочерёдно и заменяли ловким аборигенам другие части тела. Да, ещё волосы! Шикарные алые шнурки из живой кручёной кожи ниспадали ниже пояса. Волосы были чувствительны от макушки до самых кончиков и служили вибриссами. Шчеры и карминцы нашли общий язык много лет назад. Но об их культуре я знала пока очень мало.

Мать-карминка доставала со дна угловатые октаэдры, додекаэдры и всякие другие «... аэдры» – яйца бриветок. Обтирала их фартуком и сортировала по бог знает, каким признакам, в разные корзины. Самки бриветок плавали рядом и пытались укусить Арлоса. Над озером было жарко, тихо и сонно. Я заплетала косу и любовалась яркими бликами на коленях. Свет лился из чистого неба, и рябь на воде жонглировала отблесками, посылая в нас мириады солнечных зайчиков.

Мы с Чиджи упустили момент, когда блики стали радужными. Вдали застрекотали бриветки, и карминцы подняли головы. Над озером повисла водяная дымка, радуга стала ярче. Приглядевшись, я насчитала в густеющем тумане не одну такую, а пять, шесть... так много радуг? Лучи пробивали пар и рассеивались в нём, как в гигантской призме. Стало красиво и тревожно – оттого, что рачки всё громче трещали и топорщили усики. На Кармине дождь был не редкость, но когда я увидела, что Арлос и его мать замерли резервуаре, забеспокоилась. Дунул рваный ветер, и по барашкам волн заплясали капли. Рачки вдруг принялись перебираться по стенкам ванн из одного резервуара в другой и, бросив яйца и хозяев, бежали прочь. Они что же, никогда не видели дождя? Все на озере инстинктивно посмотрели в небо, но там не было туч. Совсем. И только дождь продолжал барабанить по корзинам карминцев, а капли – тяжелеть. Я поднялась на ларимаровый край и подставила ладонь под...

– Это не дождь. Чиджи, он идёт вверх!

В тот же миг из сада закричали:

– Эзеры! Спасайся!

Понятия не имея, что это значит, я схватила брата за рукав и потянула из ванны.

– На берег! В укрытие! – подгоняли нас сзади.

Карминцы неслись мимо, теряя яйца бриветок из корзин и сами корзины, а я поскользнулась на мраморном краю и рухнула в воду. Когда всплыла – то, что творилось на озере, уже нельзя было принять за дождь. В небо лил водопад. Он сбивал с ног и топил, не давая опомниться. Тогда я превратилась. Туловище стало метра три в длину, чёрное и тяжелое. Глазами вдовы я видела дальше, на восьми ногах стояла крепче. Чиджи ещё не линял и не умел обращаться, он бултыхался в корыте. И уже совсем потерялся и захлебнулся, когда я подхватила его и закинула себе на спину. Не так-то мало весит девятилетний парень, между прочим. Чёрные лапы скользили и царапались о камни, брата норовило смыть с моей спины, и он хватался за что попало: за хелицеры, за ноги, за мои глаза! С непривычки я дважды оборачивалась человеком по дороге к берегу, и тогда нас поднимала волна и швыряла назад. Мощёные прибрежные дорожки уже были так близко, когда озеро потащило нас вверх. Поток воды, которую засасывало в небо, достиг такой силы, что вместе с нею полетели рачки, камушки со дна, цветные рыбки, водоросли... и мы с Чиджи.

От страха я опять превратилась в человека, в лицо хлестнул целый галлон воды, рыбий хвост вlepил пощёчину. Брата я потеряла. Боль чуть не выбила сознание, но кто-то прыгнул на помощь. Длинные мохнатые лапищи сцапали меня и выловили Чиджи, вытянули из водяной ловушки на берег. Это папа не дал нам улететь – зеркальный паук.

– Скорее, скорее, в дом! – его голос исказили хелицеры.

Песок на берегу был ещё горячий и зыбкий, в нём разъезжались пятки. К дому на холме – круто вверх – вела дряхлая лестница, под которой тёк ручей. Когда вода сорвалась и умчалась в небо, ручей раскрошил ветхие ступени. Отец поспешил в обход и карабкался на восьми ногах прямо по холму, а я штурмовала ошмётки лестницы. Сил превратиться не осталось. Позади нас озеро встало на дыбы. В небе темнело, как при затмении. Папа нёс Чиджи на спине. Брат не подавал признаков жизни.

Из дома выбежала экономка с бумагами и каким-то тряпьем в тентаклях.

– Госпожа Эмбер, мама вас обыскала! Уитмас! Насекомые! Запасайтесь водой и бидонами из руженита, бегите в пустыню! – обычно с нами она говорила на шчерском октавиаре, с таким смешным акцентом, но бегло. Теперь я понимала через слово её возбужденный, захлёбывающийся карминский.

Отец превратился и помогал Чиджи откашлять воду. Брата вырвало, он заплакал. Я застыла на веранде, с трудом соображая, что вот же он, все-таки жив... пока мама не подбежала и не затолкала меня в дом.

– Эмбер, цела?!

– Да. Там какой-то... ужас... Кто такие «зеры»?

– Найди наши рюкзаки, потом лезь в подвал, собери аптечку.

– А чего собирать-то?

– Да всего подряд понемногу, только не стой, Эмбер, скорее!

Она через три ступеньки понеслась с веранды к папе и брату.

– Зефир! – прокричал папа. – Не забудь зефир!

Какой ещё зефир, они что, с ума сошли? В передней взлетел графин, в гостиной вокруг люстры налипли бутылки, вино перепачкало потолок. А я метнулась в подвал. Там у нас был целый лабиринт обитых рыжей сталью коридоров, где вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи. Папа запрещал совать туда нос, и все, что я знала об этой части дома, это где найти выключатель. Щелчок – но свет не зажёгся.

Ладно. Тогда рюкзаки.

Они сушились на мансарде. Вверх... вверх... На обратном пути с третьего этажа я запуталась в сырых юбках, шнурках и ляжках рюкзаков и шлепнулась с чердачной лестницы.

– Мам! Мам! В подвале нет света!

На крик приковылял старый садовник-карминец и вывалил мне в руки горсть блестяшек. Они были скользкие и противные. Раньше я ими брезговала.

– Света больше не будет, – сказал он. – Плотину электростанции порушило.

– Ага.

– Руженит ищи, красный металл такой, он не даст воде улететь.

– Ага.

Я подобрала юбки, рюкзаки – и вернулась в подвал. Блестяшка шлепнулась на стену. Стеллажи осветило тусклым голубым. Мы просто жили здесь – ели, пили, гуляли. О войне не говорили и не готовились: я так думала... Полки в подвале оказались забиты банками с маринованными сверчками, блистерами сушёной саранчи и каракатиц, коробками мучных червей и катушками питательных хитиновых волокон. Внизу стояли обмотанные рыжей проволокой баллоны и бутылки с водой. Проволока была из руженита, догадалась я, иначе бутылки уже взлетели бы вверх. Под низким потолком лежали хрустящие пакеты, замотанные в паутину. Подумав, я стащила их вниз. Там были «фильтры одноразовые «Зефир-42»». Так вот оно что... Я переделалась в спортивный костюм и побросала в рюкзаки каждой упаковки с каждой секции ровно по четыре штуки – на каждого из Лау. Ещё утрамбовала руженитовые термосы с клапаном. Обвешав себя туго набитыми ранцами, за два подхода вылезла из подвала.

Снаружи мама носилась с аптечкой в одной руке и нашими документами в другой. Она бросала всё в дорожную сумку, пока Чиджи шмыгал, сопел и одевался в сухое. Лучшее, чем брат мог помочь в тот момент – это последить хотя бы за собой, и он неплохо справлялся.

Папа спорил с главой правительства Урюои, шчерой Жанабель. За глаза её звали Жирная Жаба. Зелёная голограмма расплылась на полкомнаты и была чуть квадратной по бокам, потому что холо-объектив абонента не вмещал тушу Жанабель целиком. Для этого ей пришлось бы встать за километр от линкомма, не ближе.

– Нет, Лау! Нет, мы не можем прислать за вами тартариду. У меня на ходу только два звездолёта, и один уже эвакуирует женщин и детей. Вы слишком далеко от базы, а эзеры пустили шпионские воланеры по городам! Справляйтесь как-нибудь.

– Но у меня исключительный статус, – спорил отец. – Если нас схватят, всем крышка!

– Бросьте паниковать, Уитмас. Нападением командует ть-маршал Хокс, эзеры под её началом скорее сравняют здесь всё с землей, чем отыщут живьём одного шчера. За рекой есть наш исследовательский бункер. Там военные заправляют, они спрячут. И поспешите, через пару часов все шоссе и траки будут забиты!

– Сама ть-маршал явилась? Зачем шпионы? Чего они ищут?

– Что обычно! Как только ублюдки набьют трюмы, сразу уберутся восвояси. Ледяная сфера растает. И преспокойно себе вернётесь на Урюои.

Она ещё что-то говорила, а за окном заходил в петлю карминский штурмовик – сквилла. Эдакая сигара с усами. В небе над поместьем клубились грозовые тучи, которые ещё утром были озером. Штурмовик пикировал из одного сизого облака в другое, будто спасаясь от кого-то невидимого, когда в небе сверкнуло. Взрыв! – окно задребезжало и треснуло, а вместо сквиллы вниз полетел огненный комочек. Он был похож на метеор, какие ждут, чтобы загадать желание. Комочек погас и пропал из виду, но через секунду в дно озера мощно ударило. Куски мрамора и гранита вперемешку с донным крошечком и водорослями взмыли вверх, и мы как по команде ухнули на пол.

Когда я поднялась и расхрабрилась выглянуть в окно, то вместо шикарного самоцветного озера зияла большая воронка, и чёрная пыль оседала вокруг.

- Это был снаряд? – прошептала я. – Там... Который упал в озеро.
- Нет, это... сквилла, – ответил папа. – Эзеры коллапсируют всё, что взлетает.
- Коллапсируют? Сжимают?
- Да, гравитационной коронадой. Поэтому Жанабель и отказала нам в эвакуации.

Как только всё затихло, папа убежал в гаражи, грузить вещи в пескар. Наши сборы принимали истерический оборот. Чиджи рвался в детскую за приставкой, мама оттащила его за ухо и нахлестала по щекам. Под шумок я не стала накидывать палантин на бёдра поверх спортивных леггинсов. Девушкам-шчерам запрещалось показываться на людях в такой вольности. Но ведь война же? Мы же бежим?

– А золото нам куда? – воскликнула мама, увидев шкатулку в рюкзаке. – Хотя бери, только запихай куда-нибудь подальше, а то не ограбили бы.

Брату удалось отвоевать приставку, и спустя несколько минут он умолк и озираясь по соседству со мной в пескаре. Папа проверил, чего я набрала, похвалил, но добавил ещё «Зефи-ров». Багажный отсек пришлось обмотать упаковочной паутиной в три слоя, потому что он трещал от обилия вещей. Хорошо, что теперь мой гардероб умещался в футляре размером не больше очечника. Это были сменные чипы-вестулы для позвонков. Взрослые шчеры, которые уже могли превращаться в пауков, цепляли вестулы к остистым отросткам, и в нужный момент они сворачивали и разворачивали одежду из специальной ткани – нанольбуминного шёлка. Чтобы не остаться голым после обращения в человека.

Глава 2. Вурдалаки, людоеды и батончик опарышей

Мы выезжали с пустого двора, где кухарка в этот час обычно чистила тараканьих нимф к ужину. Все слуги сбежали, конечно. Ветер снаружи достиг небывалой силы: рвал фиолетовые, черные, синие тучи. Это вода из всех открытых источников собиралась и клубилась над долиной. Сверкали молнии, катился гром, но дождя не было. Только редкие столбы рек и прудов стремились вверх. Изо рвов, из канав. На зов неприятеля. В серой парной дымке, сочившейся в пескар, стало трудно дышать. Мы взмокли от духоты и напряжения.

На ветреном Кармине почти не водилось ровных дорог. Там кочевали барханы из скользкой разноцветной гальки, и мостить трассы было просто невыгодно: сегодня это путь, а завтра вал гравия или пруд. Вместо этого карминцы прокладывали траки при помощи дундозеров. Временно, зато быстро. На нашем траке, как назло, собралось много борозд, пескар брыкался. Быстро покинуть пригород не удалось. Мы встряли в пробку из таких же, как у нас, мобилей на гусеницах, усиленных тонкой воздушной подушкой. Темнело: жадное небо собрало целое море.

– Кто такие эзеры? – я донимала папу, наблюдая, как пешие горожане семянят вверх по дюнам. – Они что, правда насекомые?

Брат покосился на клетку с саранчой в багажнике.

– Они энтоморфы, – осторожно начал папа. – Ошибочно думают, что эзеры похожи на нас, только...

– Только мы превращаемся в пауков, а они в насекомых?

– Не совсем. Мы – люди, способные превращаться в пауков. А они – насекомые, способные превращаться в людей.

– Одно и то же! – крикнул Чиджи.

Но я поняла.

– Зачем они напали? Карминцы – мирный народ. И совсем не богатый. Им просто нужна вода?

– Ты отвлекаешь меня от дороги, Эмбер, – раздражался папа, тем временем мы стояли, как вкопанные, – Они здесь не впервые, как я понял со слов Жанабель. Лет сто назад их планету уничтожили, и остатки эзеров бежали на пояс гигантских астероидов где-то на краю вселенной. Может, там у них недостаток воды или еще каких-то... ресурсов.

– Значит, они просто заберут воду, улетят, и мы сможем вернуться на Урююи?

Отец неопределённо дёрнул плечом. Мама обернулась и нахмурилась, качнув головой в беззвучной просьбе: не надо при Чиджи.

– Детка, все расспросы в убежище, идёт?

Я откинулась на влажном кресле и замолчала. Ну, спасибо, пап! Фантазия у меня и в мирное время была не самая радужная, а от родительских экивоков скрутило желудок. Папа не хотел напугать Чиджи, но мне сделал только хуже. Что же такого нужно захватчикам? Они ставят эксперименты? Набирают армию мертвецов? Высасывают мозги? Затор впереди двинулся наконец, и саранча в клетках забесновалась от тряски.

– Насекомых вытурят! – сердился брат. – Мы сильнее, да, мам? Пауки же едят насекомых! А не наоборот. Да, пап?

– Да, Чиджи.

Но это были, пожалуй, другие насекомые. Не те сверчки и саранча размером с курицу на шчерских фермах-акридариях. Если эзеров путали с нами, то те, превращаясь, должны были достигать метра два в длину! А такая саранча легко откусила бы мне голову. Пробка снова закупорила трак. Папа оставил руль и прошёл вперёд – разузнать, отчего мы не движемся.

– Впереди карминцы бросают пескары и уходят в пустыню пешком, – сообщил он упавшим голосом.

– Прямо так, без вещей?

– Они говорят, на выезде земля дрожит. Вибрация какая-то... Они испуга...

Задрожало и под нами. Впереди загрел чей-то автомобиль. Он перевернулся, повалился на бок, покатались кульки и пассажиры. Взлетел рыжий водопад.

– Эмбер, наружу! – закричал папа и распахнул дверцы.

В нескольких метрах от нас новый пескар подскочил и упал в кювет. На том месте, где он только что стоял, в небо лил поток грязной воды. Это канализация отвечала зову туч. Гальку швыряло в пескары, из которых повыскакивали последние храбрецы. Они бросили скарб и побежали за дюны – в пустыню. Вода была опасна теперь.

Мы вчетвером шмыгнули в кювет, когда кусок канализационной трубы выстрелил снизу в пескар. Обмотанные паутиной, сумки выкинуло из багажника на дорогу, а нас окатило сточными водами. Запахло тухлым. В помоях с головы до ног, мы выглянули из кювета: тут и там вдоль тракта, где канализация пролегла близко к поверхности, страшная сила вытягивала грязную воду прямо из-под земли. Дюны наполнил шелест тентаклей. Кажется, впереди на многие километры не осталось ни одного карминца. Все сбежали, не захватив даже самого необходимого. Папа поднялся первым:

– Нам лучше следовать за ними.

– Нет, Уитмас, – испугалась мама. – Что мы будем делать в пустыне с детьми?

– Местные помогут. Они умеют выживать в дюнах.

– Нет, нет. Нужно добраться к бункеру! Наша вода почти вся улетела, посмотри!

– Ладно! Подберите рюкзаки, – скомандовал папа, когда сточный водомёт поутих. Канализация пустела.

Родители превратились одновременно: зеркальный паук и золотопряд. Мама приволокла искореженную клеть.

– Эмбер, давай и ты. Понесёшь саранчу.

И я тоже превратилась. Чиджи вскарабкался на маму, а папа взял рюкзаки. Так, канавами, мы поспешили вдоль пробки. Из-за тумана видимость была метров сто. Через час тракт, забитый брошенными пескарами, упёрся в стену воды. Река лилась вверх без конца. У моста стоял галдёж – да такой, что перекрывал шум потока. Мы обернулись людьми и протолкнулись ближе, чтобы разобраться, в чём дело.

С мостом творилось невероятное. Река болтала опоры из стороны в сторону, железное полотно волновалось и пучилось, арки ходили ходуном. Оттуда сыпались повозки и тут же взлетали в небо, смытые водой. Карминцы бежали обратно на берег, но их подбрасывала река и уносило ввысь. В тучи. Среди этой неразберихи папа каким-то чудом разыскал смотрителя.

– Чего ждёте? – карминец с кирпичного цвета кожей потряс фонарём. – Эзеры набирают рабов, а мы тут как тут: стоим толпой, готовенькие! Как на блюде для насекомых. Нечего здесь делать, идите в пустыню! Идите!

– Мы погибнем в вашей пустыне, – возразил папа. – Нам нужно в бункер, он где-то за рекой.

– Реки не будет скоро. Только здесь не перебраться: видишь, как смяло мост, а берега крутые. Вам через Румяный Брод надо, там пологая переправа.

– Где это?

Смотритель порылся в ворохе тентаклей и достал битый передатчик-линкомм. На нечёткой голограмме река и наше озеро ещё были отмечены синим: линкомм не знал, что началась война.

– Вот тут, выше по течению. Идите по дюнам... там неполный день пути, как раз вода вся и свистнет к тому времени. Переправитесь и вернётесь назад вдоль того берега. Синдиком-то есть?

– Синдиком?

– Ну, здешняя связь. Не через космос, а наземное радио. Спутников уж нет, считай. Как своих-то искать будете? Этот вот штуки, как у нас с тобой, теперь не годятся.

Родители переглянулись, и карминец скривил рот. Ему не хотелось возиться с пришельцами на виду у насекомых.

– Где бы нам достать синдикомы? – допытывался папа.

– Ну, я не знаю... – смотритель почесал спину щупальцем.

– Мы заплатим. Хорошо заплатим, я работаю в посольстве.

Карминец кликнул из толчеи кого-то знакомого не самой добропорядочной наружности. Из их торопливой перебранки я поняла только, что плут неохотно соглашался на сделку. Он наконец сказал «подожди» и нырнул в толпу.

– Синдикомы нынче редкость – много скарба погибло на пути сюда, да и войны давно не было... мало кто хранит у себя старьё вроде радиоприёмников, – карминец опять почесался, набивая цену. – Но плут обещал, значит, достанет. Приготовьте, чем расплачиваться будете.

Рабы, он сказал? Насекомые брали пленных, а не одну только воду. Мама достала папин бумажник.

– Деньги? – закричал на неё смотритель. – Куда нам девать ваши арахмы и шчерлинги?

– Но...

– Сухой паёк есть? Аптечка? Вода?

– Мы же не можем отдать еду и воду! – спорил папа. – С нами маленький ребёнок! Есть золото, фамильные драгоценности. Эмбер, достань, покажи.

Я протянула шкатулку папе. Карминец сцапал резную коробочку и заглянул внутрь, прикрываясь от любопытных глаз гривой кирпичных волос.

– Ладно.

Вернулся плут и вручил отцу два прибора, похожих на древние пеленгаторы:

– Там батарейка немного в одном, – сказал он с сильнейшим акцентом, – а в другой почти половина. Сутки на два хватить.

Карминцы затерялись в толпе с нашим золотом. Вода всё летела и летела в небо. Кое-кто попытался изловить себе немного бидоном, перегнувшись через перила набережной. Но струя подняла его вместе с тарой, сцапала и швырнула в общий поток. Страшная смерть ждала бедолагу в небе. Больше никто не решился добыть воды таким способом. За стеной, которой обернулась полноводная река, чудились раскаты грома. Или взрывов. Или выстрелов.

– Он сказал, на два дня всего хватит? – тревожно переспросила мама.

– Ерунда. Нам больше и не надо.

У папиного ободрения был такой тон, что я поняла: за двое суток мы либо выйдем к своим, либо умрём в пустыне. А рации на том свете без надобности. Брат робко попросил есть, и мама выдала ему батончик спрессованных опарышей. Мы на двадцати четырёх лапах двинулись по дюнам вдоль берега. Без привычной городской иллюминации вечерняя тьма спустилась мгновенно. Из-за туч не видно было ни ночного солнца – тёмно-красного гиганта Пламии, – ни других звёзд. Ни зги. Русло опустело, и теперь без ориентира – шума воды – мы боялись потерять берег. Чиджи верхом на маме держал банку с блестяшками, чтобы освещать нам пару шагов наперёд. Но их света было недостаточно, чтобы разобрать направление. Папа споткнулся и вздохнул:

– Заночуем здесь.

Мама оплела паутиной себя и Чиджи. Получился воздушный, но тёплый кокон. Золотопряды славились гладким и стройным переплетением волокон, недаром мамин шёлк хвалили

на сотню отшельфов в округе. Моя же вдовья паутина была ужас, что такое: рвалась, путалась, местами сбивалась в комья, а кое-где провисала, оставляя дыры для сквозняка и дюнной пыли.

– Замри, я сплету тебе, – устало улыбнулась мама.

– Нет. Сама, – я больше не могла себе позволить быть ребёнком. – Слушайте, Чиджи спит. Расскажите про эзеров. Пап.

– Я уже достаточно рассказал в песка...

– Пап!

– Тише!

– Я не слабонервная! И не слабоумная. Смотритель сказал, насекомые берут пленных. Значит, им не только вода нужна?

– Вода-то им как раз и не нужна, – папа подбирал слова. – Это, что ли... пытка такая. Вода останется в небе, пока карминцы не сдадутся и не позволят высосать у себя столько крови, сколько захотят эзеры.

– Что? Крови? В смысле... им нравится убивать?

– Нет. То есть, разумеется, да. Но я имел в виду настоящую кровь. Карминцев или нашу – мою, твою...

Мама перебила, чтобы начать издали, потому что от папиных слов я хмурилась с тупым выражением лица:

– Эмбер, знаешь, отчего вот эта саранча в клетке – не больше курицы? А наши имаго огромные. Это в школе проходят, ну, вспомни.

– У саранчи несовершенная кровеносная система. А у шчеров эритроциты при превращении переносятся в кровь имаго. И ещё у нас хитин пропитан силиконами, а у насекомых слишком хрупкий. И ещё у нас эндоскелет, а у саранчи...

– Всё так, только у эзеров тоже развился эндоскелет. К сожалению. Но ни одна муха не может вырасти слишком большой. Она просто задохнётся. Им неоткуда взять эритроциты, ведь папа правильно сказал: по сути, они насекомые, а не люди.

– Значит, эзеры – вот такая мелочь? – я покосилась на клетку.

– Нет, Эмбер. – сказал папа. – Точно такие, как мы с тобой. Даже повыше, пожалуй, – из тех немногих, что я повидал. Они заставляют пленных тяжело работать. И забирают их кровь, богатую живыми эритроцитами. Время от времени. Питаются одним рабом на протяжении месяцев, лет... Уж как повезёт с хозяином.

– Откуда ты так много знаешь?

– Дипломатам положено изучать чужие миры. Эзеры давно известны как похитители и кровожадные вивисекторы. Раньше они преследовали одинокие звездолёты наших колонистов, мой дед пропал по их вине. А потом эзеры сунулись на Урюю. Я ещё маленький был. Атаку отразили дня за два: конфессии наших диастимагов вытурили эзеров, а ядерные коронады пригнали им хвосты на прощание. Это вторжение признали незначительным и даже в школьную программу не включили. Но я всегда любил историю... историю чудовищ. В имперских хрониках об эзерах целые трактаты есть.

Поэтому и работу папа выбрал с инопланетянами. Я поёжилась в дырявом коконе.

– Как-то... жутко. Чиджи прав – ведь это мы их едим. Насекомые – наш рацион.

– А мы – их. Эзеры не брезгуют мясом пленных – больных, слабых. Непокорных. Малень...

Мама запустила в него камушком:

– Все! Прекрати, Уитмас. Эмбер, спать сейчас же.

Я так устала, что не доплела лежанку. Рухнула рядом с папой прямо на камушки. Никогда не спала вот так, голодная и на улице. Никогда не боялась, что с неба рухнет штурмовик, сдавленный до размера мячика и весом в целую башню. И никогда не думала, что за нами придут

самые настоящие вурдалаки и людоеды. Не помню, как отключилась. Помню только, кто-то подтыкал мне под спину кипу тёплой паутины. Удалось ли маме сомкнуть глаз в ту ночь?

Глава 3. Глобоворот

Утренние сумерки пахли гарью и тухлой рыбой. Отец сидел на верхушке дюны, закутавшись в палантин, и искал рабочие частоты, но пеленгаторы только трещали. Ни родного октавиара, ни даже карминской речи. В этом море больше не было волн.

Мы с Чиджи доедали бобовые галеты и впитывали первые карминские холода. Дневное белое солнце – Алебастро – едва пробивалось сквозь ледяной купол. Я проследила мамин взгляд в небо: за ночь вся вода с поверхности планеты поднялась вверх и застыла одним толстым мутным слоем. Где-то там примёрзла наша река. И тот неосторожный карминец, которого унесло вслед за бидоном. Первая смерть, что я видела.

Папа оживился и вскочил.

– Не пойму... чёрный дым. Местные!

Пёстрый шар катился вверх по бархану, а за ним чадило, как от пожара на свалке покрышек. Я пригляделась... Шар толкал гигантский навозник. Весь белый, он катил пёструю сферу по дюне, двигаясь задом, вниз головой. Из пасти у него валил угольно-чёрный дым.

– Бизувий, – выдохнул папа, – пустынная баржа. На них ездят местные бедуины. Дюнкеры. В этом шаре их прессованный скарб.

И верно: от комка то и дело отваливалось барахло, и пеший карминец палкой цеплял потерю и лепил на место. Ещё пятеро качались на приподнятом зад у бизувия. Мы уже чуяли горючий смрад их табора. Возле шара бежала вразвалку стайка зверей с непомерно длинными клювами.

– Так себе гости, – пробормотала мама, отмахиваясь от дыма. – Эмбер, собери рюкзаки, пока еду не закоптило.

– И синдикомы спрячь от греха подальше! – папа сунул мне приборы.

Одна рация выскользнула у меня из рук. Ударилась о гальку, пискнула... и в трескучем эфире полилась чья-то речь. Я не сразу поняла, что это не карминский, и озадаченно пялилась на прибор, пока отец его не схватил.

– Эзерглёсс – язык насекомых! Их волна, что ли? Как так?

– Я ничего не делала! Он упал...

– Ты что-нибудь понимаешь, Уитмас? – спросила мама.

– Ни слова.

Но тут синдиком умолк на секунду и тем же голосом заговорил по-кармински:

«...шчеры... и мы уйдем...» – я не слишком хорошо владела языком, а речь была сильно искажена акцентом. – «...за каждого шчера сто... и цистерну воды».

Папа задыхался от гнева:

– Они ищут пауков! Дают вознаграждение и обещают покинуть Кармин, как только им выдадут нас всех.

– Как давно, интересно, они это транслируют? – прошептала мама, и мы посмотрели на бедуинов. – Нам как раз туда, откуда они катятся...

Встреча была неминуема.

– Чиджи, лезь ко мне на спину, – скомандовал папа и превратился. Мама закинула на себя рюкзак и последовала примеру папы, а я замешкалась.

– Может, не надо их пугать? То есть, мы как будто уже против них. Как будто угрожаем сразу.

– Эмбер! – прикрикнула мама. – Деликатничать будешь, когда они закатают тебя в шар вместе с барахлом и приволокут к эзерам!

Дюнкеров встречали золотопряд, чёрная вдова и зеркальный паук с мальчиком на спине. Мы припали к камням, надеясь до последнего, что табор пройдёт мимо. Но дым приближался,

и вот уже навозник закатил свой грязный шар из кручёного и мятого белья на ближнюю дюну. Зверьки с клювами не отставали. Бизувий чихнул облаком гари, как древний паровоз, и с его белого зада посыпались карминцы. Их было трое, да две тётки остались наверху и следили за нами оттуда.

– Три цистерны воды! А, нет, четыре! – пересчитал нас дюнкер. – Слыхали новости? Он широко улыбался, но только не глазами. Мы отползли за папину спину.

– Слыхали, слышали. Идите своей дорогой.

– Да ты не бойся. Тарканы вас живьём требуют, – он заржал, тряхнув гривой красных шнурков.

– Эзеры лгут. Ничего вы не получите – только вслед за нами у них в трюме пропишетесь. Дайте пройти по-хорошему!

– Иначе что? – развязно огрызнулся карминец, доставая выкидной рыбацкий нож.

– Послушайте, я бу...

Мелкие зверьки загалдели, перебивая папу. Обступили морду навозника и поочередно пихали клювы ему в рот. Зверь кормился из их зоба, вонял машинным маслом и дизелем. Дышать рядом с бизуviем стало просто невозможно.

– Ладно, выкладывайте, – рявкнул другой карминец.

– Простите?

– Проезд, говорю, платный! Выкладывайте, что у вас там есть, – носатые зверьки уже совали любопытные клювы в рюкзаки.

– Только немного консервов – совсем чуть-чуть – папа отгонял попрошайек, клая хелицерами. – И полудохлые синдикомы, без них нам не выйти из пустыни. Нечем с вами поделиться, дайте пройти.

Папа боялся упомянуть бункер, полный шчеров. Ради четырёх пауков карминцы, может, и не пошли бы на риск, а вот ради нескольких десятков...

– Половина всего, что есть, и проваливай, – процедил третий дюнкер.

Они подошли ближе. Я вскинула клыки, которыми ещё ни разу не пользовалась по назначению. Твердили, что мой токсин слишком опасен. Карминец дёрнул с маминой спины рюкзак, а второй ударил мне рукоятью ножа по хелицере. В ответ я вцепилась клыками в тентакль, но яд брызнул впустую: щупальца были слишком твёрдые. Мама рядом воевала за свой рюкзак, но ловкий грабитель отрезал лямку. Папа увернулся от третьего дюнкера и бросился на помощь. Карминец полоснул его лезвием по ноге – но тотчас сам взвизгнул.

– Стойте! Это бумеранг! – заорал он, катаясь по песку в крови. – Зеркальный диастимаг! Стойте!

Его товарищ держался за подбитый глаз, а другой продырявил себе ногу, прежде чем разбойники сообразили, в чём дело. Любое ранение, причинённое отцу, мгновенно возвращалось нападавшему.

– А мы по-хорошему просили... – закрывая нас серой головогрудью, прошипел папа. – Амайя, Эмбер! За мной!

Мы втроём кинулись наутёк вниз по дюне. Бежали без оглядки, хоть папа и хромал на три ноги. Одну прострелили, две порезали... Свой рюкзак он потерял в потасовке.

– Ты ранен, пересади Чиджи ко мне! – крикнула мама.

– Некогда! Они, похоже, решили проследить за нами.

От страха я еле удерживала облик имаго. Неприспособленные к пустыне, лапы вязли в мелких камушках. Три-четыре дюны спустя мы добрались до берега и глядели вниз с глинистого обрыва – скользкого, блестящего. Судя по налившим ракушкам, граница воды была совсем близко. Вчера. Сегодня дно ухнуло вниз метров на десять.

– Сколько ещё до пологого спуска? – спросила мама, тревожно оглядываясь.

– Он должен быть где-то рядом, – бормотал отец.

Карминцы бодро катились на своём навознике. Бизувий разгонялся нехотя, под ударами погонщиков он больше распускал дыма, чем действительно бежал.

– Надо спускаться прямо здесь, – мама свесила передние лапы с обрыва.

– Амайя! Ты что! Бежим искать нормальный берег!

– Если мы полезем, где удобней, они спустятся тоже и проследят до самого бункера!

Она нащупала выступ и перенесла вес тела вниз. Теперь легче было туда, чем обратно.

– Мам! Мама! – Чиджи соскочил с папиной спины, припадая к самому краю.

Мама была права. Уйти от преследования можно было только так, а не иначе. Я решила, что полезу второй и ждала, когда она доберётся до дна. Папа подсказывал, где выступы. Мама была на середине пути, когда небо загудело.

– Прочь от обрыва, эзеры атакуют! – папа вскочил и обернулся человеком.

Он потащил Чиджи за шкурку, но тот вцепился в камни и кричал, что без мамы не пойдёт. Вдвоём мы утащили его за холм. Дюнkers тоже испугались воздушной атаки. Они бежали, а бизувий отбросил куль с барахлом. Носатые зверьки раскудахтались и тыкались клювами в песок.

Над нами сверкали карминские сквиллы. Они гоняли громадную стальную сороконожку. А та лавировала под ледяным куполом, теребя воздух сотней пар закрылков. Как сколопендра.

– Гломерида, – пошептал отец. – Эмбер, ты что, ещё паук?!

– Ой.

Трёхметровая чёрная вдова очень уж привлекала внимание, и я превратилась. Чиджи весь трясся – боялся плакать навзрыд. Конечно, мама там, на скале, не могла обернуться прямо сейчас, иначе упала бы. Мы надеялись, что её полосатое тело не заметно с неба на фоне глины. Получив разряд из рельсотрона, гломерида захлебнулась гулом и рухнула на середину реки. В момент удара она свернулась баранкой, отскочила от земли и, как ни в чём не бывало, взлетела. Что?.. Неужели внутри остался кто-то живой?

Карминские сквиллы развернулись и пошли в лобовую. И вот один – пропал.

Засвистело нестерпимо, и в середину русла ударило. Сила была неистовая, потрянуло ближние дюны, не обошло и нашу.

– Ляг! – заорал папа.

Но мне нужно было увидеть: куда упала сквилла? задела ли берег?

– Там мама!

– Ляг на землю!

Мы поняли сразу: это не выстрел. Это рухнул карминский штурмовик. Эзерам незачем было тратить бомбы. Они лепили их из кораблей противника, как шарики из фольги. Папа ткнул нас двоих лбами в песок:

– Не двигаться, поняли оба? Я туда и обратно!

И пополз к берегу, чтобы глянуть, как там мама. Гломерида эзеров заходила на новый круг. Карминский штурмовик отстреливался. Но одна его сторона вдруг начала мяться и коржиться сама по себе. Его задело. Сквилла накренилась, начала падать – прямо туда, где висела мама. Куда только-только успел добраться папа... Свист падения резал слух.

Я зажмурилась.

Внезапно свист поменял тональность. Дюны потрянуло. Нас с Чиджи присыпало галькой от макушки до пояса. Когда мы откопались, вокруг стояла тишина, и шпионской гломериды нигде не было видно. Она улетела восвояси. По всему берегу валялись тряпки, ветошь. Это шар с барахлом бедуинов развалился от ударной волны. Утес, к которому нёсся подбитый штурмовик, обвалился и съехал в русло, но самого корабля там не валялось.

Как так? Он должен был расколоть весь берег.

– Эй! Вы где?

Мамин голос! Она соскользнула на дно русла вместе с глиной. Папа, Чиджи и я легко сползли по обвалу вниз. Гравий в дюнах здорово нас поцарапал. Но все-таки мы остались живы, даже сохранили все лапы и могли наконец перейти реку. Метрах в двухстах от спуска зияла воронка. В центре неё, как жемчужина в устрице, лежал шарик: всё, что осталось от сквиллы. Получается, эзеры выстрелили ещё раз, секунды за две-три до того, как она прихлопнула бы маму с папой. Тогда сквилла коллапсировала и сменила траекторию падения. Такая вот вышла... ирония.

* * *

У нас остался один рюкзак на всех. Мой.

Мы пересекали русло по вязкой тине. Ноги чавкали, путались в водорослях. Тут и там валялась мёртвая рыба – та, что не взлетела с водой. Я боялась наткнуться на утопленника, но на пути встретились только останки парома, ходившего здесь до всего этого.

До другого берега было рукой подать. Карабкаясь вверх по глине, я вдруг превратилась в человека и ухватилась за грязь бледными пальцами. Всё. Сели мои батарейки. Мама подтолкнула сзади, и я рухнула на холодную гальку.

– Есть хочу.

Нам с братом достались последние два питательных батончика. Родители мучили синдикомы, из которых упорно лились щедрые посулы эзеров в обмен на наши шкуры и ни что иное. Воняло чем-то едким. Было пасмурно и зябко, но кое-где сквозь небесную твердь пробивались лучи.

– Смотри, радуга, – прошептал Чиджи.

Где-то далеко грохотало. Всякий раз я представляла, что это падают сжатые сквиллы, потому что из всей войны знала пока только два характерных звука: рёв воды и удары кораблей о землю. Представлять-то было попросту нечего. Чиджи приставал с одними и теми же вопросами:

– Ну, что? Слышно? Слышно, пап? Тут плохо пахнет. Мама, мне холодно. Я не напился!

Никто не напился вдоволь, а ведь мы уже долго были в бегах. Ну, тогда для меня эти часов пятнадцать значило «долго». Новый удар прогремел в унисон со щелчком синдикомы:

– Кто говорит? – прохрипели по-шчерски.

– Атташе Уитмас Лау! Нам нужны координаты бункера! Мы где-то рядом!

– Сколько вас?

– Трое взрослых и ребёнок.

– Карминцы есть поблизости?

– Нет. Уже нет.

– Пеленгую.

Синдиком ругнулся на батарейку, но пискнул и мигнул.

– Вы почти на месте, – ободрили на том конце. – Осталось только лошину пересечь, и я вас встречу. Передаю координаты. Запоминайте, через минуту сработает автоудаление.

– Спасибо!

– И ещё, Лау... Поспешите. Ночью в этом секторе рванул нефтехимзавод, ветер несёт токсины к реке. Есть респираторы?

В синдикоме кончился заряд. Дюжины «Зефилов» из моего рюкзака хватило на час. Потом мама порвала палантин на широкие полосы, окропила из термоса и приказала нам закусить их хелицерами, а Чиджи она обмотала нос и рот. Воняло тем гаже, чем дальше мы двигались. Брат заходился кашлем. Скоро лошину заволокло тяжёлым оранжевым дымом. Он катился по камням и оставлял на них кислотные разводы, танцевал и вертелся по дюнам. От его яда и смрада ломило ноги, слепли глаза, всё тело горело.

Я тащи́лась всё дальше и дальше от родителей, и в конце концов скинула паучью личину. От жирной пыли слипались ресницы. Не в силах даже стоять, я привалилась к запачканному кислотой холму.

– Мам... – прохрипела в туман. – Мам!

Это было невозможно, но Амайя услышала и вернулась. Чудо, которым папа восхищался уже девятнадцать лет: в нашем огромном доме мама всегда первой слышала, когда была нужна детям.

– Бункер уже рядом. Эмбер, ну, давай!

– Никак...

– Еще мину́ту!

– Ни... секунды...

Папа заметил нас и тоже вернулся. Видимость сокращалась. Рыжая тьма и газы сжимали горло.

– Оставайтесь тут, – отец сразу понял, что подгонять мой полудохлый трупик бессмысленно. – Я поднимусь на холм, там этой дряни поменьше. Может... Может, оттуда видно лучше.

Они с Чиджи уже были наверху, когда куча, под которой я сидела, зашевелилась. Затряслась под нами земля. Посыпались гладкие камешки, и папа скатился с холма. В испуге мы отбежали подальше и увидели, как целая гора гальки заворочалась в маслянистом тумане.

– Глобоворот! – догадался папа и сверкнул глазами. – Это и есть бункер! Эмбер, ты его нашла, моя умница!

Глава 4. Ванна с зыбучим песком

Галечный бархан скрывал шар размером с целую площадь. На три четверти он был погружён в землю, а макушка возвышалась над ложиной, как выпуклая крышка от кастрюли. На Урьюи в глобоворотах держали склады. Они непрерывно вращались, попеременно подставляя внешние бока под солнышко. Обычно глобоворот зарывали только наполовину. Вся поверхность покрывалась солнечными батареями. Они копили энергию по очереди, а после расходовали на обогрев той части здания, что опускалась под землю. Но этот бункер выглядел едва ли метров на пять, чтобы не выделяться среди других дюн.

Здание ворочалось и ворочалось. Сыпались мириады камней. Воздух, казалось, не примет больше взвеси из пыли и пепла. Я задержала дыхание. Это уже был не воздух, а грязная жижа! И вот наконец вынырнул узкий зев: скрипучий клинкет приоткрылся на треть, и рука в военном рукаве махнула ружьём, поторапливая.

В коридоре с непривычки мотало. Нас вели – куда-то, кто-то.

– Заблудились? – голос впереди был резок и хриловат. Проводник шагнул энергично и шаркал о стены ружьём, выбивая искры.

– Чуть не промахнулись, – признался папа.

– Вы из посольства? Как вас?..

– Уитмас Лау.

– Маг, да?

– Бумеранг.

Проводник хмыкнул. Он был не слишком рад бумерангу.

– Лучше бы суид или хоть аквадроу, а то у нас совсем нет магов, – донеслось спереди, – Мы целы, я смотрю. Повезло: за шчеров объявили награду, в городах облавы. Тараканы требуют нас живьём, а за мёртвых не дают воды.

– Нас едва не отловили какие-то бродяги.

– Оказалось, эзерам наша кровь слаще карминской. Мы для них деликатес.

Щель коридора вывела в комнату пошире. Там было светлее: вдоль грубо окрашенных стен протянулись щупальца блестяшек. Проводник повернулся лицом и оказался женщиной. Грубовато сложенной и сильной, как мастер спорта, со смуглой пористой кожей и вороной косой ниже пояса.

– Н-да, – был вердикт нашему виду. – Поселю вас на внутреннем слое, где потеплей. Окон там нет, ну, так и солнца вторые сутки не видать.

– Был взрыв на атомной станции.

– На трёх, – она говорила резко, будто каркала. – Близится ядерная зима. Батареи в темноте не зарядишь, а топлива для генераторов мало. Оно уйдёт на очистку воздуха в бункере и аварийное освещение. Ещё месяц, и энергии на обогрев совсем не хватит.

– Месяц? – испугалась мама. – Но Жанабель сказала, насекомые не задерживаются дольше, чем на несколько дней!

– Эзеры улетят, – кивнула женщина. – А катастрофы-то останутся. А ты чего? – это уже мне. – Маг?

– Нет, я просто.

Женщина выдохнула и выругалась.

– Ладно, пошли. Я майор Хлой, начальник бун-штаба.

Майор протиснула нас сквозь новый коридор, ещё уже прежнего. Под кашель Чиджи мы вышли в прохладную залу, совсем непохожую на жилое помещение. Скорее на вокзал или ангар: с крупными заклёпками на стенах, трубами вдоль и поперек и высоким сводчатым потолком. Для освещения летали два настоящих имперских сателлюкса.

– Здесь вообще-то бойлерная, – как будто извинялась Хлой. – Но какая уж теперь вода... Так что это всё ваше. Располагайтесь.

Её помощник, молоденький штабрейтор, притащил кипу одеял и ещё какого-то добра. Тряпки были затхлые, мятые. Но чистые. Глядя, как он пытит с матрасом в узком коридоре, Чиджи подёргал папу за куртку.

– Так надо, – шепнул он в ответ. – Коридоры такие, чтобы крылатые насекомые не могли там развернуться.

– Дак ведь и вам с мамой никак не превратиться.

– Лучше убежать на двух ногах от человека, чем даже на восьми от летящей осы. Или мухи.

Мама увела брата в медпункт, а папу вызвали в комендатуру бун-штаба. Меньше всего мне хотелось забираться в постель немойтой. Облепленной ядовитыми хлопьями, водорослями, комьями глины. Казалось, платье фонит так, что аж светится. Конечно, взрослые пауки не боялись радиации. Достаточно было превратиться туда-сюда, чтобы её сбросить. Но обычная грязь никуда не девалась, и я хотела в душ сильнее, чем есть и пить. Штабрейтор притащил последний матрас и пялился на меня, как на пыльное чудище из-под кровати:

– Чего застыла? Контузило что ли снаружи?

– Мне надо помыться.

Он понимающе скривился:

– Да, но... Разве что в карминской бане.

– Если там можно избавиться от грязи, мне всё равно.

– Только холодная она с утра. Не нагрели зыбы.

Я постояла секунду. Мыться холодной водой?

– Ладно. Что уж.

Штабрейтор изловил один сателлюкс, и нас проглотили кишки тесных коридоров. Карминские бани я видела лишь издали, когда из-за цветастых барханов за озером вился ароматный парок от горячих зыбов – ящиков для мытья. Быт карминцев я представляла смутно, ведь папин особняк принадлежал консульству и законсервировал для нас уголок Урюи. Баня в бункере была маленькая, тёмная. На узких стеллажах хранились одинаковые чёрные банки и грубые полотенца. Я сняла одно с полки. Как наждак на ошупь.

– Разберёшься сама? – парню охота было спать, давно объявили отбой.

– Вы мне только покажите, как воду включить.

– Воду? Воду?!

У штабрейтора от смеха треснул голос. Он шагнул к прямоугольному зыбу и дёрнул цепочку, свисавшую с потолка. Откуда-то сверху в пустой ящик рухнула куча песка. Мелкий и чёрный, как пепел, он заполнил зыб до краёв. Паренёк закатал рукав и сунул в песок руку, поводил ею в глубине и пропустил пыль сквозь пальцы.

– Вообще-то повезло тебе. Ещё чуть тёплая.

И ушёл.

– Лицо только этим не вздумай тереть! – донеслось из-за двери. – Для лица и такого всякого – в чёрных банках, ну там, на полке.

Понятно. Понятно, отчего эту ванну называли зыбом: карминцы наполняли её песком, перенасыщенным паром. Наверное, влага, обволакивая песчинки, не притягивалась к небу. Я открыла одну банку и зачерпнула горсточку серой пыли. Такой мелкой, что с закрытыми глазами её можно было принять за воду. Стоя над зыбом, я обмазала этим лицо и волосы. На языке и зубах скрипнули песчинки. А как потом смывать-то? Своевременные вопросы – не моя сильная сторона.

Пока я погружалась в чёрный песок, избытки его сыпались с края зыба прямо на пол. С кончиков пальцев ног и до самой шеи обволокло теплом и усталостью, шевелиться в тягучей

массе стало трудно, да и не хотелось. При малейшем движении песчинки щекотались. Под ворчание пустого желудка я опустила затылок на край зыба и задрема...

* * *

– ...за руку тебя повсюду водить что ли, красавица?

– Ну, ладно, ладно. Она почти не ела два дня, а мы всё бежали, бежали.

Майор Хлой и мама держали полотенца, пока я очищала легкие, глотку и уши от песка. Из глаз и носа песок тёк вместе со слезами.

Я заснула в зыбе.

Или потеряла сознание от упадка сил. В один момент руки и затылок соскользнули с края, и меня утащило в песок целиком.

– Вот повезло-то, что пацан забыл свой бейдж и вернулся, – ворчала майор. – И что дверь ты не заперла.

Хлой подала мне полотенца – те, из наждачки. Её рука дрожала.

Только грубыми тряпками можно было содрать слой чёрной пыли. Прочь вместе с грязью, вонью и разводами пота, которые впитал песок. В итоге я оказалась чистой. По крайней мере, формально.

– Получай одежду и паёк и марш спать. – Майор протянула два свёртка – маленький и микроскопический.

Мои чипы-вестулы с ажурными блузами никуда не годились. Хлой выдала другие, с удобным комбинезоном и камуфляжным пыльник. Я прицепила их к позвоночнику, нырнула в новый комбез и поплелась за мамой в бойлерную. Папа уже вернулся, на матрасе рядом кашлял Чиджи.

Папа налил мне полчашки воды из термоса. Воду приходилось высасывать из тугого клапана с ниппелем или плескать в черепок объёмом не больше ладошки. Иначе всё взлетало к потолку.

– Теперь руженит здесь дороже алмазов, – бормотал папа, бережно закрывая термос.

Он посмотрел, как я жадно опрокинула в себя воду, и добавил:

– Этот литр нам на сутки. Пока не наладят добычу льда из сферы.

– А грунтовые воды?

– В этой части континента они слишком глубоко. До неба ближе.

– Что за адская ледяная машина у насекомых?

– Я ничего подобного не видел, – покачал он головой. – Но майор Хлой говорит, это гидрилливый эмиттер. Сто лет назад, когда насекомые бежали на астероиды, то открыли там гидриллий. Эта руда подарила им власть над водой. Гидриллию подчиняются все её состояния, кроме обычного льда.

– Как же сфера держится в небе?

– В её внешних слоях эмиттеры поддерживают тонкий слой аморфного льда, он и удерживает всю остальную массу.

– Значит... теперь они могут поработить любую планету? И нашу?

– Нет, Эмбер, – папа улыбнулся. – У нас тоже есть власть над водой – диастимаги аквадроу. И большая-пребольшая куча ядерных боеголовок на пограничных спутниках. Эзеры обижают только слабых.

Правильно было сейчас же заснуть. Медленнее обмен веществ – позже замучает жажда. Глядя на вялый комочек из пайка в своей руке, я что-то расхотела есть.

– Сыр не так плох, как на первый взгляд, – мама распутывала мои волосы заколкой в виде гребня. Другой расчёски у нас с собой не было.

– А, так это не мыло. Я уже песка наелась. Пусть лучше Чиджи.

– Ешь давай молча.

Блесклявка на стене рядом заснула и погасла. Я лежала на тонком матрасе и слушала грохот у себя в голове. Он никак не выметался вон.

– Ты такая у меня красавица, Эмбер, – шепнула мама, продолжая нежно разбирать тонкими пальцами мои пряди. – Вернёмся домой – никому не говори, что надевала штаны без палантина.

– И ела мыло.

– Нам нельзя потерять ни балла из аттестата. Ты станешь клевреей примулы.

– Надеюсь, нет, – я знала, это расстроит маму. – Клеврее с мужчинами говорить нельзя, в город нельзя, штаны нельзя. За любой чих вычитают баллы и снижают курс шчерлингa её отшельфа к арахме. А статус примулы всё равно не светит, я же не маг.

– Клеврея – лучшее место, где может устроиться молодая шчера.

– Я буду делать роботов.

– Нет, Эмбер. Тебе нужна нормальная... реальная работа. Будешь помогать примуле по хозяйству и станешь престижной партией.

– Как ты?

– Как я, – мама расправила плечи.

Женщины-диастимаги, невзирая на конфессию, не могли заправлять отшельфом. Они занимали почётное место примулы – правой руки мужчины-мага. Часто эти двое становились супругами. Да что там, почти всегда. Но наш папа – в то время двухсотлетний бумеранг – предпочёл юную клеврею Амайю. Не диастимага, смертную. За красоту и не только. За то, что не опускала карих глаз при встрече, за то, что не доносила на других клевреей и за то, какую твёрдой была рука, когда мама забивала саранчу. Было отчаянно грустно всякий раз, как я замечала новую морщинку в сеточке у маминых глаз. И майор Хлой с порога записала её в смертные: между женщинами это уже бросалось в глаза. Только диастимаги жили вечно, вернее, до первого несчастного случая. Обычные шчеры неминуемо увядали, и, хотя папа никогда не посмел бы коснуться этой темы вслух... но они с мамой были тем букетом из калл и роз. Все знали, чья смерть разлучит их рано или поздно.

– Тогда ладно. Хочу быть, как ты, – уже в полусне я решила отложить конфликт поколений до Урюи. – Отменю тогда парикмахера на завтра, а так хотелось каре...

– Даже и думать не смей остригать волосы, поняла? Никогда. Что хочешь делай – а кудри не тронь. Одни твои локоны сводят с ума мужчин и женщин. Не знаю, в кого такие... Береги их.

Мама поцеловала мою пыльную макушку. Вот и всё, что я помню о начале войны.

Глава 5. Внимание на небо, прибывает поезд!

Континент Рубигея больше не оправдывал своего имени. Пейзажи были черны, как недра замыслов убийцы. Минул почти месяц с начала войны, и густые травы Рубигеи иссохли без влаги. Стало так холодно. Вода так и не вернулась, крутилась ледяным куполом на хмуром небе. Пепел и сажа окутали пустырь ядовитым саваном.

Сквозь вихри золы и угольной пыли летел вампир, людоед, потрошитель. Осока шуршала, будто пучки её были раскрытыми древними книгами, и теперь мимо них, брошенных погибать, продирался разбойник. И пожелтевшие страницы рвались, шелестели под натиском бесстыжего вора. Травам осталось лишь перешёптываться. Сплетничать о метровых крыльях, которые их касались. Едва заметные, тонкие и узкие, крылья с трудом несли тугое полосатое тело. Ярко-рыжие линии на изогнутом брюхе сменяли чёрные. Воздух гудел так низко, что жужжания не было слышно. Только тревога и вибрирующий трепет наполняли пустошь. Мелюзга вроде брысок, брошмяков и брушканчиков разбегалась подыхать по норам.

Тонкая талия и шесть ног. Тёмные блестящие глаза. Острые жвала.

На валун в чахлом поле присел шершень. Как только крылья перестали разгонять пыль, их облепил жирный пепел. Передними лапами шершень захватил усы-антенны и остервенело потёр морду. Всё равно – ни зги. Клякса битума шлёпнулась на фасеты глаза. Ядерная зима превратила долину в пейзаж убитого горем пуантилиста.

– Сплош... ..йня и ...дец полный, ...ла я эту плане... вместе с шшшш... – сказал шершень.

Связь с кораблём прерывалась из-за бури.

– Повторите, ть-маршал Хокс? Вас плохо слышшшш... шшшш...

Шершень сполз с камня глубже в мёртвые заросли и обратился Альдой Хокс. Ть-маршала мгновенно окутала броня из хромосфена – умного хрома. Без неё на Рубигее нельзя было находиться долго без риска заполучить астму, струпья или химические ожоги.

– Нет тут ничего, говорю, – буркнула женщина.

В эпицентре своих злодеяний стоял призрак смерти. Альда Хокс, лидмейстер эзер-сейма в сытое время и ть-маршал охотничьего флота насекомых – в голодное. Известная сталью и сталью Полосатая Стерва. Из-под дымчатого капюшона на пустошь глядел голый череп, пальцы-кости теребили португею. Броня эзеров, активируясь при угрозе, облачала хозяина в унылую палитру оттенков смога: сизые, грязно-белые, бурые. Это и был хромосфен, дым, принявший вид туманного балахона, перетянутого ремнями и шлеями. Альда затягивала их потуже, чтобы подчеркнуть холёные формы, где нужно, а где не нужно – убрать. Правда, сейчас было не до красоты.

– Карты подлинные. Город должен быть где-то здесь, но мы уже весь континент прочесали – а он как сквозь землю провалился. – Желая вдохнуть поглубже, она ослабила пряжки. Защитная маска фильтровала воздух, и черные клубы фильтра вырывались из провалов носа и глазниц на черепе с каждым выдохом.

– Значит, мы ошиблись. Сказки это всё. Мы заберем вас на флагман через минуту, гос-пожа.

Третью неделю свора из трёх дюжин охотничьих гломерид искала столицу Кармина – город Гранай. Попытками, разведкой, шантажом и подкупом. Городов нашли десяток, но все не тех. Планету усеяли деревеньки, в лесах ютились древесные хижины, в ущельях и лощинах прятались полудикие становища на три двора. Да бродяги-партизаны заняли болота. К этим только сунься. Но не в гиблых же трясины жил столичный город! Судя по картам, которые в избытке удалось раздобыть на первой неделе оккупации, Гранай находился здесь.

– Вот прямо тут, Игор! Вот... где я стою!

– Я понимаю. Э-э, ты-маршал... Гидросфера в небе сегодня крутится слишком уж резво. Циклон. Сюда приближается свалка. Радар сообщил об огромном куске металла, вмёрзшем в ледяной купол.

– Что там ещё?

– Может, кусок моста, который взлетел вместе с рекой. Или заводская труба. Эта штука скоро пройдёт прямо над нами, и кто его знает... Опасно долго торчать здесь. Надо улетать.

Укрытый пеплом пустырь исполосовали крупные трещины. Как можно было жить на этом одичалом погосте? Очевидно ведь: никак. Они промахнулись. Опять промахнулись!

– Много рабов у нас в трюмах, Игор?

– Сто тысяч.

– Это карминцы? К дьяволу их.

– И две тысячи шчеров.

– Отлично, – из них трофейная доля Альды Хокс составляла триста штук. – Хватит с меня. Нет никакого Тритеофрена, чушь всё. Чушь и бред! Я сворачиваю программу поисков, возвращаемся домой.

Гломерида ты-маршала снижалась, и жирная сажа расползалась по трещинам. Альда полагала так: раз уж после десятка безуспешных разведмиссий она спустилась, чтобы убедиться в неудаче лично, то имеет право свернуть эту чахлую миссию на Кармине безо всяких санкций со стороны эзер-сейма. За годы на флоте она привыкла к одному проверенному и безотказному сценарию: нападение и блокировка воды, захват рабов без разбору, возвращение на астероиды. И получение своей доли. Быстро. Эффективно. Безопасно. В этот раз теневые верхи аристократии – ассамблея минори – вынудили ты-маршала проверить легенду, ради которой сотни эзеров застряли в этой дыре. На месяц! Без солнца, воздуха и возможности расправить крылья. А главное, помыться по-человечески.

Гломерила над нею вильнула.

– В сторону, госпожа!

Альда вскинула голову и едва успела отскочить, как прямо в то место, где она стояла, рухнул обитый железом рундук. Случилось то, чего боялся Игор: из-за бури от неба начал отклеиваться мусор.

– Забирайте меня отсюда, – рявкнула Хокс.

Гломериде пришлось опуститься дальше, чем хотелось. Лететь туда шершнем означало скинуть броню, и ты-маршал выпростала из-под накидки одни только крылья. Они понесли окутанную дымом смерть к трапу. Над головой мелькнула тень, потом вторая... и Хокс метнулась из стороны в сторону, не дожидаясь, пока манна небесная размозжит ей голову. Где-то сзади упал целый ворох добра: сумок, кулков, чемоданов. Пожитки рассыпались по чёрным кустам, покатались битком набитые баулы. Адьютант замахал ей из приоткрытого клинкет. Но по дороге к трапу тонкие крылья Хокс нацепляли сажи и слиплись. Совсем. В один бестолковый комок за спиной. Зверей и бранясь, она бросилась к трапу вприпрыжку. Чемоданы взвинтили непроглядные тучи пепла. Нога провалилась в широкую трещину. Альда вскрикнула и упала. Боль прострелила лодыжку, колено и скрутила поясницу. Жгучая – аж сердце зашлось.

– Игор, сюда! Я подвернула ногу.

Лететь она не могла, бежать теперь тоже. Офицер обернулся кузнечиком и спрыгнул с трапа навстречу Альде. Продлив свой полет при помощи крыльев, он добрался к трещине за один прыжок.

– Я застряла, – обрадовала его Хокс.

Вдвоём они ухватились за края голенища и принялись расшатывать сапог в трещине.

– Умоляю, не прикасайтесь! – завизжал Игор, сбрасывая со своего плеча её пальцы, будто пиявок. – Вы же знаете, я этого не выношу...

– Да пошёл ты к дьяволу со своими психозами! Нас раздавит этим барахлом!

– Не волнуйтесь, я уже дал распоряжения ближайшей веренице. Они отобьют весь мусор, который вздумает отколоться от сферы.

– Чёрт, как больно... – шумно выдохнула Альда. – Вывих, а как жжет... И-и-игор! Тащи меня, тащи, тащи, собака!

Адьютант не понял, отчего Хокс вдруг заверещала, как на сковородке, но собрался с духом и дёрнул лидмейстершу под мышки так, что нога выскочила из трещины. Эзеры повалились наземь. Сапог Альды дымился, обугленный до голенища. Ть-маршал на четвереньках отползла подальше от дыры.

– Там огонь! Жаром пышет, прямо изнутри!

Двое обнаружили себя в большом кольце, образованном сполохами огня. Повсюду вокруг разгорались точно такие же кольца неправильной формы. Земля дрогнула, трещины разошлись и вспыхнули. Пустошь засветилась ячейками наподобие пчелиных сот. По периметру каждой соты вырывались языки плазмы. Высокие, как небоскрёбы.

Путь к кораблю был отрезан.

– Мне не перепрыгнуть, лидмейстер, – растерянно оглянулся адъютант и попытался пересечь стену огня в броне из хромосфена. Альда дёрнула его назад:

– Ты идиот?! Видел, как это сожгло мне сапог? Хромосфен не поможет.

– Что это Вы собираетесь... не трог..

Хокс обратилась шершнем, растрясла липкие крылья, подхватила тушку Игоря поперёк живота и взлетела над огнём.

– Не тро-о-огайте меня! – верещал адъютант.

Они перемахнули стену и рухнули в центре соседней соты. С грузом и липкими крыльями сразу добраться к трапу Хокс не могла. Альда вернула себе бронированный балахон и позволила адъютанту прийти в себя от ужаса чужих прикосновений. Если выживут, пропишет его у психиатра, решила ть-маршал.

– Смотри, Игор. Огонь вылез только там, куда упал мусор.

– Соты реагируют на удары, – предположил адъютант. – Что они здесь защищают?

– Это город, – догадалась Альда. – Столица прямо под нами.

Не так много радости было от этой находки. Под ледяным куполом зашумело. Это были гломериды дежурной вереницы. Вздурораженная их турбинами, ледяная корка извергла ещё центнер чемоданов. Рядом с Альдой обросли огнём две соты.

– На связи ть-маршал Хокс! – рявкнула она. – Эй, наверху! Не давайте мусору падать на землю! Тут пышет плазмой в ответ на удары.

– Говорит капитан второй вереницы. Что тут у вас?

– Я нашла Гранай. И какую-то систему... городской обороны. Не знаю, вам сверху виднее! Прикройте нас.

– Так точ... ложись!

Земля грохнула и во второй раз поползла из-под ног. Одна трещина разверзлась шире, но оттуда выпорхнула не плазма, а сквилла. Карминский штурмовик. Второй, третий... Альда пригнулась, а сквиллы обстреляли вереницу из рельсотронов. Началась пыльная, пепельная жара.

– Не давайте им обстреливать сферу! – приказала Хокс, но сверху, изо льда, уже сыпались обломки труб, шпалы, цинковые двери.

Они с Игором перемахнули вторую стену огня. Рядом грохнуло. В переполненный едкой сажей воздух взмыли комья грязи. Гломериды попали в карминский штурмовик, и гигантская рука тяготения скатала сквиллу, как бумажный шарик. Шарик массой в тонну, повинувшись гравитации, ухнул вниз. Альду и адъютанта зашвыряло сухой землёй и камнями. Они уже были почти спасены, когда трап их гломериды начал заваливаться назад и в сторону.

– Флагман стоит прямо на трещине! – крикнул Игор.

Плазма резала корабль пополам. Куски обшивки, заворачивая оплывшие края, гнулись и падали. Команда, кувыркаясь, вылетала из битых иллюминаторов. Альда пришла в бешенство: – Мой флагман!

Вопль этот вместил в себя и стеллаж с наградами, и целый мостик дорогой техники, которая валилась в раскрытые ладони огня. И шикарный гарнитур из спальни каюты. Из трещин взмывали новые сквиллы. Они гибли под гнѐтом гравитационных коронад, но падая, зажигали новые и новые стены жаркой плазмы. Гломериды эзеров буквально резало на салат. Ни одна так и не могла приземлиться, чтобы забрать Альду. Минуту – целую минуту! – в комме только шипело. И шипело, и шипело... Пока Игор не подскочил:

– Есть контакт!

– Только не смотрите вверх, – несколько неадекватно происходящему, спокойно и бодро донеслось из приёмника. – Прибывает поезд.

– Ч-что?!.

Альда вскинула голову, теряя капюшон. Невероятно, но в ледяную сферы вмѣрз целый состав паровоза. Длинный, десятка на два вагонов! Теперь он откололся и летел... падал... рушился прямо на Хокс. Она закрылась локтями, понимая, что даже скорость реакции шершня не позволит ей увернуться от такой мухобойки. Три секунды ужаса и нарастающего шума...

Шума?..

В метре от оцепеневшей Альды поезд снесло в сторону. Протащило километр и бросило далеко за пределами пустоши.

– Подкрепление! – воскликнул Игор.

Альда схватилась за комм:

– Эй, кто бы там ни был! С меня орден!

– Благодарю. У меня свой.

– Город под землёй! Надо заставить трещины разойтись.

– Оставайтесь на месте.

– Х-хорошо...

Корабли подкрепления не использовали гравинады: при стрельбе по трещинам в коллапсе не было толку. Они просто палили бозонами из глюонного накопителя, который при обычных обстоятельствах использовали как резервные батареи, а не оружие! С остатками

сквилл было покончено меньше, чем за минуту. Альда завидовала и восхищалась. Отличные инженеры и пилоты были в веренице её ангела-хранителя! Шло время, и Хокс ощутила, как отключается её хромосфен. Броня была слишком восприимчива к долгим встряскам. Они с адъютантом остались в одних кителях и затряслись от холода. Фильтры респираторов сдохли.

А земля ползла по швам. Плазма иссякла, трещины погасли и ширились под расстрелом налётчиков. Город открывался, сражённый атакой. Каждая сота была жилым небоскрёбом, только уходящим глубоко вниз. Альда приподнялась с четверенок на колени, ещё оглушённая стрельбой. Стало тихо. Но ть-маршала трясло от холода. Кашляя, она ступила на больную ногу и упала. Глаза застили слёзы и пыль. Сидя на коленях, Хокс ругнулась, и перед нею возникли кеды.

Чистые светлые кеды, на которые сыпалась вязкая сажа, чиносы в обтяжку и галантно протянутая к лицу Альды костлявая рука скелета.

– Ах, Кармин! – мурлыкнула смерть в серой накидке из хромосфена. – Ясное небо, свежий бриз, животворящие бассейны кристальных озёр.

Хокс молча сцапала предложенную руку, и смерть подхватила госпожу на руки:

– Вижу, рекламные проспекты заврались. Здесь просто адище.

Настроение Альды упало ниже нуля. Она узнала эти кеды и голос.

– Рой-маршал Бритц...

– Не побрезгуйте моей скромной гломеридой на первое время. Весьма рекомендую мед-блок и лично доктора Изи. Между прочим, специалист по эвтаназии высшей категории.

– Какого лешего ты здесь забыл, Кайнорт? – Альда соскочила с его рук, как только оказалась в безопасности, и захромала по шлюзу. – Минори не посылают своих перквизиторов за рабами!

– Ассамблея минори посчитала, что поиски Тритеофрена затянулись, и настояли на моём вмешательстве.

Серая смерть развернула перед закопчённым лицом Альды голограмму ордера с печатями и автографами. Ть-маршал смахнула документы, не читая.

– Я отдала приказ возвращаться на астероиды. И мне насрать на ордера минори: моё слово здесь закон. Мы валим отсюда с полными трюмами рабов!

– Не горячитесь, Альда. Положитесь на меня, – холодная тень в голосе Бритца гипнотизировала. – Давайте так: я обыщу город. Я добуду Тритеофрен. Альда... я принесу Вам к ужину нежнейшего карминского младенца, и за бокалом креплёного «Лимфинити» мы обсудим, как быть с притязаниями наших патронов.

Закутанный в хромосфен с головы до этих невозможных кед, Кайнорт Бритц действовал на жертв своих увещаний, как чай с ромашкой. Альда вздохнула и присела на моментально предложенный пуф, позволяя адъютанту снять с распухшей ноги сапог.

– Ладно, дьявол с тобой. Сейчас полдень? Даю время до полуночи. Не сыщешь прибор – проваливаешь восвояси... дальше кувыркаться с моей сестрицей. Иди.

Их гломериды были уже в воздухе, но рой-маршал не отдал приказ к снижению. Он открыл шлюз и шагнул в затянутое смогом небо прямо с мостика. Альда привстала. Заглянув в иллюминатор, она увидела, как гломериды рой-маршала начали разделяться на воланеры: из одного звездолёта выходило четыре притких и шустрх челнока для полёта в нижних слоях атмосферы. Далеко внизу Бритц расправил четыре стрекозиных крыла и на лету юркнул в воланер. Шельма. Знал толк в эпатаже.

Глава 6. Тритеофрен

Смерти серые, белые, чёрные, на крыльях и в воланерах, наводнили Гранай. Липкий туман из пепла и едкого газа с поверхности лощины заскользил вглубь, потёк вдоль небоскребов. Между домами сновали карминцы. Немногие бежали в пустыню. Большинство изловили сетями и отправили в трюмы.

Броня обшивки воланеров отражала все калибры, которые мирные жители приберегли для обороны близких. А бронгауссы эзеров пробивали дециметровую сталь. Гранай был силен в прятках. Реальный натиск привёл карминцев в смятение.

– Кайнорт, ратуша пуста, – доложили рой-маршалу. – Каргомистр и вся верхушка затаились. Не выцарапать. А если кто и знает о приборе, то чиновники.

– Да, Берграй. Я спущусь к цоколям, разворошу их.

– Но там одни тюрьмы да лазареты для душевнобольных.

– Вот именно.

– Кай, каргомистр не рискнёт там прятаться!

– Не рискнёт.

Пилот Бритца увёл воланер в вертикальное пике. За ним последовали ещё трое. Чем глубже они падали, тем уже и плотнее сходились стены жилых колонн. Тем дальше отступал шум боя: оборонные пункты обстрела находились на первых уровнях, ближе к поверхности. Угрозы снизу никто не ждал.

На глубине провода коммуникаций висели клубками прямо между домов – вперемишку с бечёвками для сушки белья. Один из четвёрки запутался в проводах, потерял управление и прорезал жилой комплекс. Застрав у кого-то прямо в гостиной, воланер загорелся.

– Кай, 337-й минус! Ниже нельзя рулить.

– 337-й просто решил поваляться на мягком, – подстегнул напарников Бритц. – А кого не убьёт праздность, убьёт мой армалюкс.

Дно Граная возникло так внезапно, что эзеры затормозили в свалку из юродивых бродяг, тряпья и помойных куч. Воланеры от удара свернулись, как ежи, и на секунду включили антигравималь на мостике. В комме рой-маршала бранились пилоты: их приподняло и плюхнуло обратно в кресла. Зато они выжили, а могли бы разбиться.

На дне пришлось покинуть воланеры. Эзеры обернулись в свои имаго. В сумерках цокольных переулков затрепетали крылья: чёрная стрекоза, жирный жук-плавунец и медная оса-палач. На такой глубине они нечего не боялись: ни клейкого пепла, ни душного газа. Ни вооружённых солдат. Цоколь Граная был отброшен на целые века назад. Сверху гремели передовые технологии. Здесь, в глуши колодцев, прятались неприкасаемые. Отчуждённые. Все те, кто не мог уйти в пустыню и не хотел защищать город, который их презрел. «Пенитенциарный этаж», гласила надпись на глухой стене. Из узких, словно бойницы, окон за насекомыми следили тысячи блестящих – слезящихся, болезненных, диких – глаз.

– Разделяемся. Установить пушары для обстрела.

– Есть, – плавунец ушёл первым.

– Кай, здесь нет солдат, – капитан-оса колебался. – Один сброд, городские каталажки. Зачем их...

– Берграй. Ты меня утомил.

Интонация угрожающе смягчилась. Эзеры знали: когда голос рой-маршала Бритца таял, черновик твоего приговора уже был готов. Насекомые свернули в разные закоулки. Дойдя до тупиков, они расчехлили пушары – покрытые амальгамой сферы – и бросили наземь. Сразу после трое взвились вверх и юркнули по щелям.

Гладкое зеркало двух пушаров покрылось мелкой рябью, а затем стало вращаться и метать иглы. Они выстреливали веером одна за другой. Пушары катились по улицам, гонимые энергией хаотично вылетающих снарядов, словно бешеные дикобразы. Тюремные стены, хлипкие перегородки каталажек и решётки сумасшедших домов посыпались в колодцы улиц. Раздались вопли ужаса. Это были обитатели цоколя. Доведенные до крайней степени отчаяния, они выпустили чудовище: сдерживаемую годами силу ненависти и безумия.

А потом вырвались и побежали.

Вверх, вверх... На свет. Небоскрёбы обвивали пожарные лестницы, аварийные трапы, балконы. Тысячи щупалец зашуршали по стенам. Они рвали провода и бечёвки с бельём на своём пути, били стёкла. Заключённые бежали от игл пушара, бродяги уносили лохмотья от заключённых, душевнобольные шарахались от бродяг. А вместе они, как гигантский снежный ком, подминали и тащили за собой всё больше простых карминцев, чьи жилища вставляли на пути их лавины. Потоки щупалец неслись к поверхности, как живые бикфордовы шнуры.

– Альда, мы возвращаемся, – сообщил Бритц. – Прикажите сворам прекратить огонь.

– Что? Всем сворам?

– Да. Мне нужна тишина наверху.

Беглецы принимали иррациональные решения: бежать отовсюду, где шум, – туда, где тише. Три эзера дождались, когда поток карминцев минует их, и вернулись в воланеры. Они летели наверх, но не стреляли в людей. Поток сброда мог так же легко повернуть вспять. У самой поверхности в гущу солдат выплеснулись толпы разъярённых обитателей тюрем и психушек, баррикады и орудия сшибали хромые нищие. Женщины с кулками и детьми, захлебываясь ужасом, кидались наперерез своей артиллерии. Строевой порядок обернулся месивом, беспомощным хаосом. Всё это время враги безучастно наблюдали сверху, как город захватывает и губит сам себя.

Гранай пал. Дымные смерти покинули чрева своих гломерид. Кайнорт забрал символический ключ от города из рук каргомистра и протянул Хокс.

– Гранай Ваш, госпожа.

Шершень стояла на трапе, стараясь не выдать, что под серой накидкой морщится от боли. Спускаться, хромая и волоча за собой треснувший сапог, было ниже её достоинства.

– Мои трюмы забиты, – процедила она. – Эзеры не тащат рабов и трофеев выше разумного. Можешь теперь набирать добычу для ассамблеи минори, Бритц. Они твои.

Карминцев разделили надвое: солдаты и остальные. Бритц прошёл между пленными. Несколько отчаянных выстрелили в рой-маршала в последний раз. Хромосфен сверкнул, но Кайнорт не замедлил шаг. Он бы искренне удивился, если бы никто не попытался. Уж кому, а ему давно было не привыкать к радушию пленных. Две стальные сколопендры размером с крупного пса семенили за ним. Их ноги лязгали изогнутыми лезвиями керамбитов. Смерть встала перед каргомистром, обстукивая комья грязи с подошв. Из пасти голого черепа в сером капюшоне зазвучал карминский:

– Я пришёл не за рабами, – акцент был явный, но фразы не искажены. – Месяца четыре тому назад пауки спрятали в Гранае прибор под названием Тритеофрен. Он мне нужен.

– Но его не... не существует!

– Посмотрите вокруг, каргомистр. Шчеры на одной чаше весов – ваши люди на другой... Отдайте мне прибор. Или того, кто знает больше. И мы уйдём.

– Чтобы вернуться опять!

– Если у нас будет Тритеофрен, мы уйдём навсегда.

Шёпот...

Каргомистр сверкнул подбитым глазом. Миг, и его взгляд перехватила сколопендра. Свистнула хозяйину, подавая знак. Эзер повернулся к толпе. Пустые глазницы зондировали женщин, прятавших детей, чтобы те не кричали и не провоцировали живорезов. Подростков,

задыхавшихся в пыли на морозе. Старух, с покорной скорбью на лицах перебирающих бусы и чётки.

– Отдайте мне Тритеофрен, – обратился эзер к толпе. – Мы и сами хотим уйти. Ваши тентакли застревают в зубах, мясо жёсткое, а кровь жидкая. Как еда вы отвратительны. Как рабы – упрямы и бестолковы. Нам нужны только шчеры. Если у эзеров будет целая планета пауков, мы забудем о Кармине.

Раздалась брань, посыпались проклятия, кого-то защемили. Карминские солдаты забесновались в сетях, когда от женщин отделилась горбатая старушка. Её трясло, как болонку, пока она ползла мимо стальных сколопендр. Став ближе, старушка бросила к ногам маршала кисет и плюнула сверху.

– Вот. Убирайся, таракан.

И снова у кого-то не усмотрели иольвер. Старуха упала, справедливо ли, нет ли убитая кем-то из своих. Адьютант подобрал кисет и подал маршалу. Внутри кожаного мешочка был осколок двухслойного зеркала. С одного округлого конца отлитый гладко, с двух других – шершавый и неровный. Бритц провёл костяшками хромосфеновых перчаток вдоль края зеркала. Острый обломок царапался.

– Это замечательно. Но я вижу, здесь не всё. Где другие две части? – рой-маршал тихо кашлянул под маской. Фильтры приказывали долго жить. – Давайте-ка закругляться.

Сети, ограждавшие толпу карминских солдат, начали сжиматься. Бежать из силков было некуда. Мужчины отступали ближе и ближе друг к другу. Они гибли: кто-то от ожогов сетей, а те, кто в середине, от удушья. В криках боли и ужаса, в женском визге из толпы напротив эзеры разобрали мольбу прекратить пытку и наконец –

– Ключ у атташе Лау!..

Сети перестали сжиматься. Бритц повернул череп к каргомистру.

– Уитмас Лау, – отрывисто произнёс тот. – Пришёл к нам в начале лета и дал это. Одну треть Тритеофрена: куматофрен. Он управляет магнитным полем.

– Где искать атташе Лау?

– Не знаю. Не знаю! Да и с чего бы оставлять нам адрес, если он хотел спрятать прибор по частям? Но пришел он откуда-то с юга, со стороны Кумачовой Вечи. Всё, больше ничего мы не знаем! Хоть режь...

– Спасибо, каргомистр. Цены вам нет.

Бритц сжал костлявые пальцы – и повинувшись жесту, сети скатали карминских солдат в смертельный клубок, протащили к краю небоскрёба и... да. Сбросили.

– Поиски затягиваются. Пока мы здесь, не в моих правилах пополнять ряды партизан боеспособными мужчинами, – рой-маршал развёл руками, будто его можно было понять и простить. – Остальные могут вернуться в город.

Сажа оседала на пустыре. На обломки сквилл и гломерид, на вагоны упавшего паровоза, на тюки и чемоданы.

– Что же ты не позаботился об обитателях цоколя? – рой-маршал вернулся к каргомистру. – Эвакуационные ходы были только с этажей среднего класса и выше. Ай-ай. Думал, пойдёшь на второй срок?

– Я прошу Воларнифекс. Почётную казнь по традиции эзеров.

Каргомистр бросал затравленный взгляд на соседние соты. Стоя поодаль, вдовы солдат ждали, пока Бритц отдаст им пленного. Кто знал, как долго и мучительно они будут его терзать прежде, чем убьют. У большинства гранайцев ныне были личные счёты с чиновником, подвергшим их риску ради шчеров.

– Воларнифекс заслужить надо, – возразил рой-маршал. – Чуйка, фас.

У него из-за спины выскочила сколопендра. Ножки-керамбиты засверкали, оплетая жертву. Сражённый их блеском, каргомистр повалился назад, не сознавая, что уже мёртв. Вто-

рая сколопендра, по щелчку хозяина, присоединилась к трапезе. Лезвия твари скользили под идеальным углом: Бритца не окатило кровью. Его череп пересекла тонкая, как нить, струйка. В комме шаркнуло:

– Я нашёл. Мать и младенец. Погибли от взрывной волны – там сквилла упала.

– Понял, Ёрль. Спасибо.

Снова шептались мёртвые травы лощины. Кайнорт расправил крылья, чтобы пересечь пропасть между столпами небоскрёбов. У трапа отдали честь капитан вереницы и ружейник.

– Берграй, почему твой пушар не выстрелил? – спросил Бритц у смерти в чёрной накидке.

– Заело... спусковой блок, – доложил капитан.

– Без третьего пушара мы рисковали провалить вылазку. Нас всех могли разорвать там внизу. Где отчёт о подготовке арсенала?

– Кай, я сам с этим разбер...

Бритц вытащил армалюкс, длинный ствол которого был испещрён граффити, а с рукояти свисали стеклянные бусины на шнурах из карминских волос.

– Кай!..

Выстрел. Тихий, как ядерный снег. Ружейник капитана замертво покатился в осоку.

– В следующий раз делай, как я, Берграй. Проверь арсенал сам.

Прозвучало просто, как отеческий совет. Капитан замер и молчал, с каждой секундой забивая гвоздь в гроб своего алиби. Он получил недвусмысленный намёк: что с ним будет за колебания в бою, если только ещё раз... И каждый понимал, что другой понимает.

Кайнорт убрал оружие и скрылся в шлюзе флагмана.

* * *

Гостевая каюта рой-маршала, отданная в распоряжение Альды Хокс, была оформлена в традициях древних аристократов. Только белое, белое, белое. И чёрное. Дичайшей расцветки носки и кеды хозяина были концептуальными пятнами на монохромном полотне. Они делали центром внимания хозяина флагмана. Рой-маршал сидел на подлокотнике жемчужно-белой софы, уже в чистой и свежей форме. Впрочем, единственное, в чём он умел запачкаться, это в чужой крови. Всякий раз искоса поглядывая на Кайнорта без брони, Альда видела лишь светлое пятно и чёрное обрамление бесцветных глаз. Ничего особенного. Аккуратный отличник. Среднестатистический сыскной агент, которых отбирали по редкой способности не оставлять следов. Иными словами – типичный минори. Альда изловила себя на слишком долгом созерцании рой-маршала и отвернулась. Она ненавидела этих аристократов всеми фибрами... чего бы там у неё ни было внутри. А конкретно Бритца она недолюбливала и по личным причинам.

– У меня смешанные чувства по поводу всего этого, – призналась Альда и устроилась поудобнее в дьявольски комфортном кресле. В её старом флагмане таких не водилось.

Вправленной ногой занимался Игор: растирал и массировал, чтобы вернуть госпоже ту нежность холёной ступни, с какой она прибыла на Кармин месяц назад. Скинув хромосфен, Хокс превратилась в высокую поджарую блондинку с эффектными формами и короткой стрижкой. Крупные черты её лица были резки, но привлекательны. Если не знать, какие скабрезы соскакивали с этих вызывающе красных губ. Впрочем ть-маршалу даже шла некоторая вульгарность. На лбу её адъютанта выступила испарина. Он боролся с фобией прикосновений. Но лучше уж с фобией, чем с реальными врагами. А на столе перед Альдой стояло блюдо с ужином. Розетка из тонких маленьких щупалец, приготовленных личным поваром рой-маршала специально для гостыи. На открытом огне, с карминской лимонией и бензиликом. Отломив миниатюрный тентакль, Хокс посмаковала угощение и продолжила:

– С одной стороны, за какой-то час мы доказали, что легенда о Тритеофрене – не вымысел. С другой – прибор разбит, и мы понятия не имеем, где искать вторую половину.

– Треть.

– Вот именно! Кайнорт, нам, обычным эзерам, нет дела до фантазий минори о лучшем мире. Я хочу вернуться на астероиды и... принять ванну с водой, дери тебя жорвел! – она бросила кость на тарелку, макнула пальцы в ванночку с нежным песком и стряхнула остатки на исключительно стерильный пол.

Салфетки для песка были слишком грубы. К тому же она надеялась вскипятить Бритца. Но тот и ухом не повёл, и тогда шершень взбесилась:

– Мне осточертело дышать через вечно забитые фильтры, наносить тонны эмульсии, чтобы кожа не лупилась на мне, как на старой туфле. Здесь становится невозможно летать, Кайнорт, здесь света белого не видно!

Бритц невозмутимо подлил ей вина, ибо знал: как бы ни кипела Альда, её отказ прямо сейчас вызовет только протесты в ассамблее минори, и, как возможный итог, её отставку с поста лидмейстера, главы правительства. Невзирая ни на какие трюмы рабов.

– Вы же знаете, госпожа, если что-то взбрело в голову минори...

– Ты говоришь так, будто сам не один из этих!

– Альда, – он понизил голос до такого бархата, что лидмейстерше стало чуть ли не совестно. – Я на Вашей стороне.

Альда осушила бокал и впилась зубами в сочный тентакль. Ей вдруг стало жарко от света белых радужек напротив. От тёплого и дразнящего запаха лосьона минори, такого шикарного, сочетающего особые ингредиенты-люкс: проблемы, авантюры и головную боль.

– Чего ты привязался? Мы и так планировали напасть на Урюю и набрать себе шчеров, сколько влезет. В этот раз у нас тьма кораблей и ещё гидриллий.

– А потом? Что потом, когда эти рабы умрут на астероидах?

– Потом... – она сделала вид, что ещё не проглотила мясо.

– Дайте нам три месяца. Мы перероем весь Кармин, и если потерпим неудачу, Вы доложите, что сделали всё возможное. А если добудем Тритеофрен целиком... о-о, Альда, Вы видели, какой была наша жизнь на Эзерминори?

– Только в учебниках, – буркнула Хокс, истолковав это как намёк, что уступает нахалу в линьках. – Я не такая древняя, как ты.

– Безбрежные долины, душистое разнотравье, горные хребты с зефирными тучками на маковках, кристальные воды и плодородные леса. Пьяняще свежие бризы... Альда, нам нужна своя планета. Такая, как Урюю. Не скитание от астероидов до очередного ада вроде этого и обратно, не бродяжничество по военным лагерям. Посмотрите, во что мы превращаем любой мир, которого касаемся. Мёртвые земли, прах и пепел. Наша обычная стратегия с захватом воды делает планеты непригодными для жизни. Рабы, оторванные от дома,дохнут через полгода на астероидах. А вернуться в прикормленные места мы можем в лучшем случае через сотни лет. Часто уже некуда бывает возвращаться. И приходится опять всё бросать, опять собираться в путь, искать источники крови. А что, если когда-нибудь мы не найдем новых рабов? Что тогда?

Его мягкие подошвы неслышно сминали ворс молочного ковра, к скулам подступила кровь энтузиазма. Альда молчала, жевала и дивилась, как что-то может волновать Бритца, эту эмоциональную мумию. Он встал, терзая Хокс ревностью к осанке минори: не вялой и не будто кол проглотил, а уравновешенной, как у овчарки.

– Я пожил на Эзерминори. Я знаю, чего стоит иметь свой собственный дом. С постоянной гравитацией, естественным светом, дикой природой. С долгим запасом крови. Идеально подходящей крови... Без аварийных всполохов посреди ночи от отказа системы жизнеобеспечения. Месяц назад, когда Вы только прилетели на Кармин, разве не завидно было, что эти люди живут в раю? А Вы – где-то в потёмках и вечной мерзлоте. Разве не хотелось хоть на минуту задержать запуск гидриллиевых эмиттеров, чтобы полюбоваться бликами на хрустальном озере? Нам нужна Урюю. Не горстка рабов. Планета. Целиком.

Бессовестный туман его голоса обволакивал Альду, то ласкал, то покалывал, забирался под шёлк её блузы и лизал за ушком. Пожалуй, за три месяца с этим прощелыгой она и впрямь поймёт, отчего сестра потеряла голову. Нет, девяносто дней она ему не уступит.

– С другой стороны... – вытащив себя из плена деликатеса, массажа и живописной риторики, очнулась Хокс. – С другой стороны, до нападения на Урюю – куча времени. Ищи. Девять недель, Бритц. И ни днём больше.

– Спасибо, госпожа.

– И я вынуждена отпустить большую часть солдат с грузом домой на астероиды. Здесь оставлю одну вереницу: хватит тебе дюжины гломерид и полутора сотен эзеров?

– Хватит, госпожа.

– Но ты мне подчиняешься, понял?

– Понял. Я здесь выше только ростом. – Кайнорт улыбнулся сдержанно, но даже эта слабая мимика выдала ямочки на щеках.

Если приглядеться, внешне он не был создан для войны, для службы в перквизиции. Но облик нередко диссонирует с талантом, и Бритц сам притёр себя к любимому делу. Смеялся редко, будто это облагалось налогом. Приструнил жёсткие волны военной стрижкой. Альда удивлялась, как это он не догадался укоротить длинные не по уставу ресницы, из-под пушистых кистей которых светили колючие прожекторы глаз. Но, спускаясь вниз по отглаженным стрелкам, взгляд упирался в кеды: на правой ноге красный, на левой синий. Клоун буквально заявлял: я выучил правила, чтобы плевать на них.

– Исчезни, Кайнорт, и передавай мои комплименты повару.

– Знаете, – добавил он уже у клинкетa, – когда жертву готовят к забою, от страха в кровь попадает слишком много адреналина, и мясо становится жёстким. Другое дело молочные младенцы. На материнской груди им до последнего неведома тревога. Такое нежное мясо совсем нетрудно готовить.

Желваки Альды дрогнули:

– Портишь аппетит, Бритц?

– Я лишь повернул Вас лицом к тому, что Вы едите, – снова деликатный наклон головы.

– Только идиотам не по себе, если в тарелке кто-то издала похож на них. Можно подумать, ты мяса не ешь!

– Ем, разумеется.

– Тогда какая разница, взрослый это или... Угощайся, – Альда дёрнула тентакль из розетки.

– Спасибо, нет. Мне как-то не по себе.

Учитывая полуулыбка. Шипение клинкетa. Шлейф его издёвок еще не испарился, но Альда Хокс уже пожалела, что пообещала девять недель при свидетеле. И ведь каков угорь! Не успел получить, чего хотел, как выскользнул из силков устава и щёлкает начальство по носу.

Глава 7. Я никогда не привыкну к мертвецам

Примером странной эволюции был наш бункер. Путём не развития, но приспособления. Не тела, но ума. Мы по-прежнему не могли дышать без респираторов, но перестали чувствовать их на своём лице. Выйдя по нужде без рюкзака, ежеминутно в панике хватались за плечи. Без защитных очков, перчаток и капюшона чудилось, что мы голые. Стали просыпаться на рассвете и покидали постель, как только открывали глаза. Даже если слишком рано. Лежать без дела стало тревожно. Вальяться, чтобы вспоминать, как было до? Нет, спасибо.

Никто не знал, когда улетят насекомые. Никто не понимал, почему они ещё здесь. Никто не говорил, когда это закончится – и майор Хлой урезала сухпаёк еженедельно на одну десятую. Мы наладили добычу льда, но таким остро сюжетным способом, что в священные секунды приёма воды не разжимали побелевших пальцев и не ставили черепок на стол. А ну как толкнёшь и... Сильнее боялись только плеснуть из термоса лишнюю каплю: тогда вся порция взлетела бы под потолок. Страх смерти стал катализатором этих изменений.

В нашей бойлерной прибавилось соседей. Ещё трём семействам шчеров посчастливилось добраться до бункера, но ни учащённое тревогой дыхание, ни тепло наших тел не согревали зал. Мы с папой натянули палатку из паутиных тенёт. За шёлковым покровом, подсвеченным блесклявками, мы дышали в ладони и пытались забыть вкус нормальной еды. Как только подселили новеньких, мама перешла одно из покрывал мне на палантин. Соседям – двум старикам и угрюмой парочке – уж точно не было до нас дела, но мама просидела целую ночь с иголкой. «Ни при каких обстоятельствах не допускай инволюции, Эмбер. На дне тихо и ровно, но выбраться оттуда невозможно». Эти слова были для меня пустым звуком. Мамины рассуждения об аттестате, сводах древних правил и талмудах предписаний казались не приспособленными к настоящим бедам, оторванными от реальности, в которой соблюдение традиций только уменьшало шансы на выживание. Как бежать в палантине? Как в нём забираться на шнур-коромысло? Не знаю, почему я обо всём тревожилась сильнее взрослых. Вечно готовилась к самому скверному исходу. И при взгляде на серый лёд в небе уже не верилось, что когда-нибудь мы вернёмся на Урюи. В прежний мир цивилизованных условностей, в которые ещё верила мама. Так что я запоминала карты местности. И тайком учила эзерглёсс по штабной методичке. Мало ли что.

Настало утро обычного дня в бункере, и всех, кто не падал в обморок из вертикального положения, распределяли на работу. Папа вышел в дозор ещё на заре. Маме разрешили остаться: Чиджи снова болел. Уже во второй раз, с жаром и судорогами. Ночью я давала ему попить из ружениновой фляги, пока не видели родители. Они отдавали брату большую часть своей воды, чтобы сбить температуру, а мне запрещали делиться. Но у меня глоток в горло не лез.

В то утро жар у Чиджи спал, и я неслась по кишкам бункера, ощущая непонятный прилив духа. Какое-то оживление, неуместное и почти преступное. В нашем загробном мире, где мрак и отчаяние стали главным атрибутом будней – наподобие нижнего белья – радость показалась кошунством. Я испугалась, что тронулась от голода, и силком вернулась к мыслям о бренном.

– Лау! На тебе сегодня три наряда.

Майор Хлой встречала озябших шчеров снаружи. За последние дни газовые облака наконец рассеялись, ледяную сферу кое-где растопило солнце, а где-то разбили насекомые своими же гломеридами, и стало чуть светлее, теплее. Хлопья ядерного пепла ещё сыпались, но только по ночам. Всё ядовитое, что могло взорваться, уже давно взорвалось, и теперь природа брала своё. Медленно... Но верно.

– Ты первым делом саранчу покорми, – попросила Хлой. – И клетки почисти.

Мамин наряд. Саранчи в акридарии было много: шчеры обыкновенно держали её на лоджиях или в саду. Убегая в бункер, почти все прихватили с собой клетки. Но кормить прожорливых насекомых становилось труднее. Исхудавшие пауки заглядывались на остатки корма, таскали его из мешков. Помаленьку воровали и воду из поилок. И даже саму саранчу, за что майор выгоняла из бункера без разговоров. Отогнув сетчатый полог клетки, я не услышала обычного переполоха. Паутина плохо фильтровала токсины. Десять насекомых валялись брюхами вверх, остальные едва возились.

Учуяв горстку мочёной осоки, оставшиеся в живых заметно приободрились и даже подрались. Я вытащила дохлых, упаковала в пластик. Эти пойдут на кухню. А завтра настанет очередь тех, кто не урвал кусок и глоток сегодня. Я до смерти боялась, что когда-нибудь придётся самой забивать насекомых на еду. Майор Хлой сказала, представь, что свежешь эзера. Не помогало. Эзеров-то живьём мы ещё не видели и боялись пока только карминцев на бизувиях. Но мне везло: еженощно нужное количество саранчи подыхало само.

После акридария я направилась дальше, чтобы забрать у ночных сторожей отару барьяшков. Так называли длинноносых зверьков, которых мы видели рядом с бизуviем, когда бежали от дюнкеров. Глупые, но забавные барьяшки были моей вотчиной. За хлебом ругались:

– Три, негодяй? – кричал эвакуатор, верзила Гу. – Три вернулись с полным брюхом нефти! На кой нам ещё три нефтяных, вредитель?!

– Мне их к себе, что ли, привязывать... – бурчал сторож.

– Только упусти мне ещё, – пригрозил Гу, – ещё один водяной одичает и притащит хоть золотого песку... да хоть алмазную крошку – я тебя вытурю. Понял, дурак?

– Да понял...

Гу схватил загулявших барьяшков разом за три долгих шеи и потащил их, забракованных, в мастерскую. Доить. Чем уж бог послал.

Отару нужно было гнать далеко-далеко, к лесу. Не лес был, одно название. Я вела вожака, запрокинув его клюв высоко над землёй и крепко прижимая к бедру. Он не сопротивлялся. Мы пересекали овраг, под которым лежал нефтяной пласт. Передний барьяшек ни в коем случае не должен был этого учуять. Затормозит вожак – и вся колонна станет, как вкопанная. Начнёт без конца тыкать замотанными клювами дорогу. У леса я развязала им носы, и барьяшки разбрелись по канавкам. Поклевали землю и по очереди принялись погружать клювы в землю. Добывать воду. Убежать они не пытались, но были не против, если выдастся случай.

– Которые дикие, они воду совсем не берут, – приковылял Гу и присел рядом, жуя усик саранчи.

Эвакуатор был хоть и верзила, но хромой, и в дозор не ходил. За льдом тоже не лазал. У его имаго – сенокосца – остались только три ноги, а человеком полторы. Гу бродил по хозяйству вокруг да около. Рассказывал много интересного. Вот как теперь о барьяшках:

– Они к чему приучены, то и тянут.

– Почему тогда воду не любят брать? Какая им разница?

– В природе-то барьяшки не живут одни, только рядом с бизуviем, – объяснил Гу. – добывают для них нефть, поят... А бизувий защищает и согревает отару ночью. Симбиоз. А дюнкерам до зарезу нужно топливо для бизуviев, чтобы толкали их барахло. Вот они и отпускают на ночь своих барьяшков, чтоб те сманили за собой домашних. А раз учуяв, как пахнет чужак, домашний бежит на зов природы: опять за нефтью. Одна капля – и всё пропало. Нам чистая нефть ни к чему, генераторы на ней только портятся.

Я сдвинула фильтр, якобы потереть глаза, а на самом деле попробовать, каков стал воздух. Уж больно прозрачный он был на вид. Вдох дался на удивление легко. И второй. Целую минуту, прикрывая рот ладонью, я дышала, прежде чем запершило в горле.

– Ты зачем вдыхаешь-то! – Гу заметил и нахлобучил мне фильтр по самые уши.

– А ты откуда столько про барьяшков знаешь?

– Мы пацанами их на золото нажучивали.

В кармане затрещало. Я опять закашлялась, чтобы заглушить звук. Но –

– «...с севера... вижу воланер...» – пробурчало из подкладки, и я попалась. Все приёмники давно полагалось сдать в бун-штаб.

– Это ты чего, синдиком припрятала? – привстал Гу. – А ну-ка...

– Да он почтидохлый!

– Да ну-ка, вынь, говорю, погромче сделай! Случилось там что-то.

Секунду помявшись, я поверила, что Гу не отнимет моё сокровище, и вытащила синдиком.

«...летит в нашу сторону», – трещало оттуда. – «пока один... сворачивайтесь и в бункер!»

– Воланер эзеров, – забеспокоился Гу. – Давай, что ли, собирать отару, Эмбер. Объявят тревогу, надо успеть вернуться.

– А у меня третий наряд! Лёд.

– Да и жук с ним! Один день не попьёшь.

– У нас Чиджи опять болеет. Мне нельзя назад без воды! Слушай, Гу... последи за барьяшками, а? Я за льдом слазаю.

– При тревоге нельзя наверх!

– Так ведь ещё не объявили! Может, воланер этот уже свернул.

Синдиком молчал, и Гу мотал головой, сомневаясь. Пока он не сказал нет, я достала руженитовый термос и размотала коромысловый шнур. Тонкий и компактный, но длиной целых три километра – до самой сферы. И весь покрытый узелками. Это был выдавший виды шнур, его запускали и дёргали обратно раз в два-три дня. Мы не могли оставить коромысло в небе: ледяная сфера крутилась над планетой, и лестницы уползали километров на пять в сутки. Первый раз я забиралась под присмотром Гу, он же запускал шнур. Провозилась в полубреду-полупанике часа два и чуть не околела там наверху. Папа обычно лазал за водой. Но его выходы в дозор участились, и в тот день, уже по накатанной, я собиралась уложиться вдвое, нет, втрое быстрее. В одной руке у меня был приготовлен кончик шнура, а другой я отжала клапан термоса.

– Глаза береги! – прикрикнул Гу, напоминая, что если отжать сильнее, чем нужно, то вода хлестнёт в лицо. И одними глазами тут не отделаешься.

Я отстранила термос на расстояние вытянутой руки и начала пропихивать шнур в термос через ниппель. Шнур надо было подкручивать, чтобы он ложился внутри плотными кольцами. Когда вошло метра полтора, я поставила термос на землю, как учил Гу, и сорвала крышку целиком.

Шух!

Вода вырвалась из руженитового плена и взмыла в небо. Она утащила за собой собранный в спираль жгут, чтобы высоко-высоко приморозить к ледяной сфере. Через минуту Гу подковылял ближе, подёргал и навалился на шнур.

– Крепко. Быстрее давай.

Я не умела забираться по коромыслу в обличье человека, сил не хватало. Даже по шнуру с узелками. Даже в тефлоновых перчатках и на шпорах. Поэтому обернулась пауком, хотя чёрная вдова с кричащим пятном на спине – тот ещё маяк в пасмурном небе. Восемь лап затеребили узелки. Это было не так-то просто! Чтобы удержаться на коромысле, я выпускала паутину из подключичной железы, цепляла её лапой к шнуру и осторожно подтягивала брюшко. Цап, цап, – минут через двадцать остановилась отдохнуть. На середине пути было ясно и свежо. Я сняла респиратор и, чтобы не смотреть вниз, сощурилась на солнце. Оно пробивало гигантский витраж, а свет играл, будто в калейдоскопе. Великолеп... Нет, я, должно быть, сходила с ума.

Морозом повеяло издали, метров за двести до неба.

С земли сфера казалась гладкой, как изнанка мыльного пузыря. На самом деле там вздулся лёд, выросли айсберги вперемешку с мусором, торчали глыбы всех цветов радуги. По большей части цветов грязных. Арктическая пустыня. Только вниз головой. Сточные воды и заводские отходы тоже прилипли к небу, а чего там только не торчало! Я откалывала куски прямо с игрушками, музыкальными инструментами, чужими сумками и парусной оснасткой. Случалось внизу размораживать бабочек и мелких грызунов. Врали, будто где-то видели, как плыл по небу целый паровоз.

Мусор и теперь глядел сквозь мутно-жёлтый лёд. Только жидкая вода подчинялась гидриллии, и мне нужно было отколоть кусок побольше, чтобы сбросить вниз. Майор Хлой пробовала расстрелять сферу из штабного нуклазера, но тот только плавил лёд, и вода тут же примерзала обратно. Сложность с коромыслом была одна: первая линька позволяла мне превратиться только целиком. Перчатки зашуршали, очищая лёд, взвизгнул лобзик – как вдруг загудело. Воланер! Далеко или близко?

«Ну, раз уж залезла, надо резать!..»

Задубевших ног на узелке коромысла уже не чувствовала. Лёд срезала тонкими пластами. Один за другим они сыпались на землю из-под лобзика. Воланер завыл ближе, блеснул прожектор, отражённый от сферы. Пора вниз. Последний на сегодня пласт отскочил, и...

Труп!

Тёмное пятно надо мною было мертвецом! Настоящим-натуральным-взаправдашним трупом. Он скорчился и глядел на меня, прижимаясь ко льду лиловой щекой. Мёртвый карминец. Его почерневшие волосы разметались и застыли дохлыми червями. Я дёрнулась, как ужаленная, растопырила руки и ухнула с коромысла вниз.

Это хорошо, что лететь было высоко. Спустя секунды три... пять... я обернулась пауком и смогла поймать шнур. Обожгла все ноги, пока затормозила! Внизу уже можно было различить барьяшков: Гу отгонял их к бункеру. А вокруг наворачивал дуги воланер, гломериды в миниатюре. Эзер заметил меня – чёрную паучиху с лаковой спинкой точно посередине между небом и землёй.

Выбросил ловчую сеть – мимо.

Но шнур замотало, закрутило так, что я опять обернулась человеком. Мамин палантин взметнулся и опутал шёлком с ног до головы. Послышались выстрелы нуклазера из бун-штаба. Пока я сдирала с лица ткань, с воланером покончили: он заурчал, накренился и раскурочил дюну. Повалил дым.

Спустя минут пять я свалилась со шнура на камушки. Повалилась лапами кверху, как мёртвая. И превратилась в бледно-серую девчонку. Надо было собирать сброшенный лёд. Он уже подтаивал, и лужицы сочились вверх.

Я тащила мешок мимо сбитого корабля. Вокруг сустились сапёры бун-штаба, а Гу отгонял зевак из гражданских и раздавал лещей солдатам.

– Эмбер! Не стой здесь! – прикрикнул папа.

По его тону я поняла, что моя воздушная акробатика осталась без зрителей. Солдаты корчевали клинкет воланера.

– Дочь, тащи свой мешок, давай, скорей. Нечего смотреть.

– Пилот живой?

– Марш!

Пропустить самое интересное? Я сделала вид, что мешок страшно тяжёл, и плелась нога за ногу, косясь на развороченную дюну. Вот солдаты зашли внутрь корабля. Послышались крики, и наконец они втроём вытащили пилота. Он не сопротивлялся и даже не шевелился. Мёртв? Тогда зачем наручники? Я пялилась, но никто уже не обращал внимания. Эзера потащили к бункеру.

Инопланетный захватчик. В болотном хитоне, с пустыми глазницами и костяшками вместо кистей. Смерть, опутанная портупелями. Мерзость. Грязная дымка ниспадала с накидки и волочилась за солдатами. Те наступали на жёлтые крылья, спотыкались и обрывали с них чешуйки.

– Я же велел вернуться в бункер! – взревел папа, помогая другим тащить.

– Иду. Тяжело ведь!

Папа покосился на мешок со льдом, ругнулся и переключился на скелет в балахоне. Его протащили прямо мимо нас. Капюшон свалился. Вблизи череп эзера был ещё гаже. Из рта вился то ли серый пар... то ли газ... Так вот они какие! Страх перед насекомыми обрёл реальные черты.

Я заторопилась к шлюзу. Мешок порядком промок. Еще минута, и добыча взлетела бы в небо. Ну уж нет. Я заслужила горячий чай – умирала без горячего чая! – и намерена была получить его во что бы то ни стало.

Глава 8. Крушитель Тараканов из пластиковых стаканчиков

Чиджи положил руку на банку, под которой возились жуки. Обыкновенные тараканы, мелочь, какой полно водилось в бункере. Нас донимали паразиты. Впрочем, им тоже нашлось применение.

– Негоже с едой играть, – заворчал сосед. Паутинный клещ.

– Это не игра. А учебная практика, – нахмурилась я. – Да и какая они еда, мусорники. Это как собак бродячих есть или крыс.

– А ты ещё месяцок поживи на бункерных харчах, поговоришь. Аристократка... вшивая.

Одутловатая тётка с поджатыми губами, жена клеща, молча сверлила взглядом наш улов.

Чиджи нахохлился и кивнул мне: готов.

Я капнула соляного раствора на клеммы Крушителя Тараканов. Это был совсем маленький робот, игрушка величиной с ладонь. От скуки я собрала его из деталей разбитого линкомма. У робота было три ноги из зубочисток. Корпус мы с Чиджи склеили из пластиковых стаканчиков, а плату паяли вечерами за ширмой. Вооружившись горелкой и шилом, я разносила по бойлерной вонь плавленной канифоли. Программировать бегала в мастерскую Гу. Там же таскала из мусора другие детали.

В один день я помогла починить хват манипулятора в нуклазере. Пустяковая была поломка. При аварийной перезагрузке в файле программы, управляющей хватом, дублировались кой-какие строчки. Не понимая толком, что они значили, я просто удалила лишнее, но Гу, штабрейтор и Хлой смотрели так благоговейно, будто творилось какое-то редкое волшебство. Стыдно было получить за это три лишних пайка. Но скромность моя несколько поутихла, когда Хлой великодушно бросила, мол, заходи и пользуйся компьютером, когда захочешь.

Возможность попрактиковаться стала настоящей отдушиной. Чиджи думал, я развлекаю его, мастера игрушку. А я твёрдо верила, что упражняюсь в мехатронике, чтобы когда-нибудь вернуться на учёбу. Соседи называли это пустой тратой воды и соли. Но спустя месяц по полу бойлерной шагал, по-цыплячьи раскидывая лапки, Крушитель Тараканов. У него были камера и два фотоэлемента для распознавания размера и движений. Жуков-то он видел. Но из-за долгой обработки картинки не мог их догнать. Он дрожал, как карманная собачонка, и только распугивал добычу.

– Если эта штука хоть одного таракана тукнет, я вам полбатончика отдам, – усмехнулся паутинный клещ, кусая шоколадку.

Крушитель застревал, искрился, припадал на шаткие колени. Одним словом, позорил меня, как инженера. Дядька потерял интерес и сделал радио погромче. В унисон бряцали клавиши и литавры, визжали струнные – майор Хлой сегодня передавала классику. Раздосадованная, я капнула в батарею ещё раствора и взяла ручной контроллер.

– Э, мы с пультом не договаривались, – запротестовал сосед.

– А мы с вами и не играем.

– Подержи ещё старшим! – обиделся дядька. – Да куда ты!.. Вон, вон, вон побежал! Дави!

Под ободрительное гиканье Чиджи робот затрясся шустрее и снова завладел интересом соседей. Погоня набирала обороты. Наконец один таракан сам застыл прямо под корпусом Крушителя. Тень он там нашёл, что ли. Только быхватило батареек! – взмолилась я, и робот сообразил шмякнуть по таракану.

Шмяк!

Шмяк.

Шмяк...

Мухобойка колотила жука по спине, но не могла раздавить. Не хватало силёнок. Таракан замер, подобрал лапки – и сиганул из-под брюха Крушителя. У стены его размозжил башмак соседа.

– Вот вам и робототехника! – подытожил он, шлёпая по полу и приканчивая одного беглеца за другим.

– Правильно, – поддержала тётка. – Ни уму, ни сердцу эти опережающие технологии. Баловство! Вот я не пошла в институты. И мать моя на ферме потела, и бабка. Не в научной фантастике жили, а здесь и сейчас. Здесь и сейчас, ясно? И все были при деле! Умели, то есть, руками работать.

Изловив робота, пока и его не прихлопнули, я задрапировала нашу палатку. Спорить с соседями было никак нельзя. Нажалуются. Это у себя в голове я всегда лихо побеждала в дебатах. Я зажгла блестявку и уложила Чиджи спать под утомительные трели оркестра. Одна симфония сменялась другой, а скрипки всё стонали. Почувствовав, что атмосфера бойлерной душит, я вышла в коридор.

Шагов через десять-двадцать поняла, что в бункере что-то не так. Замедлилась. А потом поняла, что именно. Те жалобные скрипки по радио. Это были не скрипки. Я прижала руки и уши к стене и услышала... голос. Стоны. Крики.

Что?

Вспомнился мерзкий череп эзера. Серый дым, волочившийся следом. Голые кости рук. Это он кричал за стеной? Его что... пытали? Выходит, вот для чего обитателей бункера глушили концертами. Чтобы мы не слышали воплей. Я пыталась думать о чём угодно, кроме этих стонов, но они преследовали меня по коридорам. Кричали всё громче, и вскоре стало ясно, что пытка – прямо здесь, за дверью в медблок. Надо было идти дальше. Или убежать назад. Но. Но... Я ещё плохо знала эзерглэсс, и всё-таки разобрала:

«...ищут Лау!...»

Эзер назвал нашу фамилию. Почему? И при чём тут папа? Я водила руками по стенам, прикладывалась ухом к бронированной двери, дважды обошла лабиринты коридоров вокруг комнаты, в которой кричали. Но проклятые арии и фуги перебивали разговор. Из-за угла вывернули двое патрульных.

– Гражданским сказано сидеть по жилблокам! – старший оттеснил меня подальше от двери. – Шляться запрещено до рассвета.

– Меня вызвал эвакуатор Гу. Иду в мастерскую.

Враньё далось легко. К тому же напарник меня узнал:

– Это любимица майорши, ну, та, которая чинила хват.

– Ладно, проводи. Как закончит, запри в бойлерной, и чтоб не отсвечивала тут.

К счастью, Гу не оказалось в мастерской. Рядом с компьютером лежал мой плеер. За несколько вечеров здесь я почти довела его до ума, а раз так, пусть послужит разведке. Я вставила штекер наушника в гнездо микрофона. С накладки наушников пришлось соскрести пластик, чтобы повысить чувствительность мембраны диафрагмы. Патрульный всё это время сучал у порога.

– А что, тот эзер из корабля, он мертвый был? – спросила как бы между прочим.

– Тебе-то чего? – напрягся солдат.

– Да просто. Забавно: мёртвая смерть. Как их кости двигаются без мышц?

– Дура, что ли? Это их скафандры, броня.

– Понятно. А как они выглядят на самом деле?

– Как-как!.. – он занервничал. – Все покрыты хитином и слизью, вместо пасти жвала, глаза навывкате. Ты всё, что ли? Пошли уже.

Я нажала кнопку записи. Плеер отправился в карман, а наушник – в рукав.

– А ты сам его видел? Папа говорит, они – как мы.

– Дура, что ли? Как они могут быть, как мы, если они – насекомые, а мы... ой, всё. Иди, не отставай.

В коридоре солдат обогнал меня и пошел нарочито бодро, не оборачиваясь. Нужный эффект был достигнут, и я свободно вытряхнула наушник из рукава в ладонь. Возле медблока приложила его к стене и катила, не отрывая. Плеер вёл запись сигнала с высокочувствительного микрофона. Симфония близилась к торжественному финалу.

В бойлерной все уже спали. В укромном уголке я поменяла разъём наушника и поставила на воспроизведение. Запись прерывалась музыкой и шуршанием мембраны по металлу, но кое-что удалось разобрать:

« – ...здесь так долго?

Эзер отвечал тихо. Переводчиком был папа, и повезло, что он находился у стены:

– Они собираются лететь к Урюю. Через три месяца.

– Спроси, они что, сумасшедшие (здесь Хлой ввернула несколько развязный эпитет)? Им не хватило, как их в прошлый раз отделали?»

Папа заговорил, но тут запись стала неразборчивой: стена пошла шершавая. Почти минуту в ухе только скрежетало, трещало и свистело. А в медблоке прозвучало что-то критически важное. Потому что ответ эзера всполошил наших.

« – Значит, прибор существует, Лау? – воскликнула майор. – Если так, ...ш-ш-ш... уничтожить, пока он до него не добрался!

– Уже нельзя! Успокойтесь... Ему не найти остальные части.

– Эй! – позвала кого-то Хлой. – Кончай таракана. Тихо только.»

Послышались удары, стоны, и меня замутило. Там убивали пленника. Они не стреляли, чтобы не привлечь внимания гражданских. Забивали, душили. Прямо там, пока я шла мимо!

Вспомнилось, как раньше – я была ещё маленькой – папа относил живность за сарай. На забой. В одной руке саранча, в другой тесак. А я закрывалась в доме, затыкала уши и думала: вот он положил её на верстак. Вот перехватил поудобнее. Вот пригладил, чтобы успокоить. Вот замахнулся... Самое главное было – открыть уши, только когда прекратятся удары тесака. Я была глупая. Я думала, всё живое чувствует, думает одинаково.

«Так-ему-и-надо-так-ему-и-надо-так-ему-и-надо», – шептала укушенными до крови губами.

Это война. Он враг и злодей, рабовладелец и кровосос. Он летел убивать, или пытаться, или похитить нашу семью. Или он, или мы! Да и всё уже, верно, кончено.

Перед глазами застыл утренний мертвец в небе. Мёртвая саранча. Господи, я ведь шла мимо, когда его... А что, если бы узнала тогда? Ну, что? Кинулась бы тарабанить в запёртую дверь?

Это был плохой вопрос.

Позже, миллион раз взвесив за и против, я рассказала всё родителям. Под напором маминих карих глаз папа шёпотом выдавливал признания:

– Эзеры узнали о приборе год назад. И с тех пор выводывали, шпионили и охотились за ним.

– Что это такое – Тритеофрен? – спросила я.

– Он управляет тремя силами: электромагнетизмом, ядерным синтезом и распадом. Магнитные поля на Урюю используют для связи, в быту и в промышленности. Наши электростанции в основном работают на синтезе, а оборона – на распаде.

– Знаю. Ядерное оружие.

– Да. Тритеофрен тормозит или останавливает эти процессы, где и когда нужно, чтобы предотвратить катастрофы, провести ремонтные или другие работы. Это критически важный прибор для целой планеты. Если он попадёт в руки захватчиков... Они используют его против нас, чтобы оставить Урюю без связи, без энергии. И без защиты.

– Поэтому тебя сослали на Кармин? – догадалась мама.

– Да. В правительстве нашли самую глухую дыру и поручили мне спрятать Тритеофрен. Мама сверлила его взглядом.

– Не понимаю, Уитмас... Почему же, если они знали, что за прибором охотятся, его просто не уничтожили?

– Никто ведь и помыслить не мог, что эзеры так близко! Тритеофрен – ценная, уникальная, баснословно дорогая технология. Нет, я... задавал им тот же вопрос, Амайя. Правительство наотрез отказалось избавиться от прибора.

– Но зачем эзерам Тритеофрен? – удивилась я. – Почему они не могут напасть с гидрил-лиевыми эмиттерами, как на Кармин?

Отец дернул плечами:

– Мы бы отбили нападение ещё на подступах. Но на это раз им не нужны рабы. То есть, не просто рабы. Они хотят отобрать у нас планету! Поселиться на Урюои, как у себя дома, а пауков держать, будто скот какой-нибудь. Для крови, еды и тяжёлой работы. А жить в аду, какой они тут устроили, им не хочется.

Никому не хотелось жить в аду. Даже этим тварям, подумать только. Я покосилась на плеер:

– И этот эзер, которого вы сбили, сказал, что насекомые напали на твой след?

– Да. Он назвал моё имя.

– Но как? – взорвалась мама. – Ведь ты говорил, как её... Альда Хокс – бездарь!

– Ей на помощь прислали перквизитора. Сыщика. И он очень шустёр.

– Значит, прибор наконец можно уничтожить?

– Диспетчерам бун-штаба удалось пробиться сквозь лёд и связаться с Урюои. Жанабель взяла тайм-аут на семьдесят часов. Она будто бы согласна, чтобы я уничтожил свою часть, но ей нужны резолюции...

– Свою часть?

– Я разделил его. У меня только треть – диалифрен, управляющий распадом. И вы не должны его видеть, ничего не должны знать, понимаете? Я зеркальный маг, они не смогут меня запытать. А по частям Тритеофрен не так опасен. Амайя, никакой перквизитор никогда его не найдёт.

– Почему ты так уверен, чёрт возьми!

– Потому что! Я знаю, что говорю, – побагровел папа и оглянулся, не разбудили ли мы соседей. – Им не достанется прибор целиком. Это обусловлено особенностью планеты, в конце концов. Кармин выбрали не просто так. В правительстве тоже не дураки, мы всё продумали заранее.

Он лёг в дальний угол и закрылся с головой, но мы все точно знали, что этой ночью уже не заснём.

Глава 9. Инкарнация

За час до полуночи гражданским разрешили выйти из жилблоков, и я улизнула на улицу вместе с вечерней рабочей бригадой. Слишком много вертелось в голове. Наверное, за целых девятнадцать лет со мною столько дурнины не приключилось. Я не могла заснуть и выпросилась помогать с барьяшками. Снаружи было глаз выколи, как темно. Я зажгла блесклявку. Двое солдат волокли мешок, наглухо замотанный липкой лентой. Комок подкатил к горлу: я подозревала, что это был за мешок. Раздался приказ майора:

– К двенадцати чтоб уже развели костер. Ясно? Не проморгайте.

Солдаты бросили куль за акридарием, у клеток с саранчой, и ушли засыпать гравием сбитый воланер. Я обошла их груз по длинной дуге и юркнула в хлев. Сторож, конечно, скоро заснул. Барьяшки намылились улизнуть за ограду, и я вышла их шугнуть... Но позабыла, куда шла. За акридарием горел неровный красный. Такой еле заметный, видимый только на краю поля зрения свет. Я огляделась в тишине. Бункер не зажигал огней ночью, разве что костры для мусора. Потому теперь меня встревожило это свечение. Разумеется, там могло быть опасно. Но душераздирающие стоны пленного ещё не забылись, и какая-то... обида... нет, разочарование не пускало бежать к солдатам бун-штаба. Мне просто не хотелось видеть никого из них... после всего.

Светился мешок, замотанный скотчем. Плотный брезент пульсировал красноватым ореолом. На моих глазах он побледнел и рассеялся, а после – куль зашевелился.

Невозможно.

Пока я силилась сморгнуть наваждение, брезент зашевелился опять, потом сильнее, и не осталось сомнений: внутри был кто-то живой. Он то дёргался, то ровно дышал, расправляя складки мешка. Я-то решила, что солдаты кинули к сараю труп эзера. Но того приказали казнить, а люди майора – мастера доводить приказы до конца. Значит, под брезентом – кто-то другой. Саранча на убой или барьяшки-гулёны.

Открыть?

Или нет.

Или да?

Мешок притих. Почувствовав жар любопытства, какой давненько бы не мешало перерастить, я присела и разрежала скотч. Под брезентом дрожали крылья. Полупрозрачные золотистые опахала, в мятых и рваных чешуйках. Они были такие живые, огромные и... прекрасные, что я сперва не заметила прикрытого ими человека. Глаза цвета какао распахнулись на самом обычном лице из плоти и крови. Охнув, я откатилась назад. Это был тот эзер. Пленный пилот. Пора было удирать и звать патруль. Но из мешка донеслось:

– ...помоги... пожалуйста!..

Может быть, то были единственные слова на октавиаре, которые он знал. Слова для нечестной игры: как могла я, после всего, что слышала в коридоре, всего, что с ним вытворяли, послушать голос разума – вместо голоса из мешка?

– Пить, умоляю...

Он был бледен в тусклом свете моей блесклявки. Эзер выглядел, как обычный парень моего возраста. Широкие скулы, вздернутый нос, спутанные русые вихры. Тонкие пальцы теребили ошейник. Я узнала это приспособление: оно не давало превращаться. Позволяло только выпускать клыки, а у насекомых, видать, крылья. Сухие растрескавшиеся губы шептали в отчаянии. Кто это? Чей-то сын, брат или племянник. Не хотел, не собирался воевать. Такой же подневольный, случайный здесь, как и мы. И если выпросить у майора Хлой помилование, он будет благодарен. Не тронет, не выдаст...

– Ошейник снимать не буду, – я надеялась, он понимал если не слова, то жесты. – Только дёрнись – позову патруль.

Я отцепила с пояса руженитовую флягу и подалась вперёд, протягивая эзеру остатки воды.

Не успела даже сообразить, как всё вышло. Эзер схватил меня и дёрнул к себе. А дальше был удар – флягой? наручниками? В глазах сверкнуло, в висках взорвалось. Спустя миг я лежала навзничь на земле, а грубая ладонь зажимала мне рот и нос. Превратиться пыталась – и не могла: паника и боль оглушили рефлексy.

Эзер припал к моему виску и жадно пил кровь, упираясь коленом мне живот. Он был хищному агрессивен и слишком тяжёл, чтобы сбросить. Блесклявка потухла. Собрав остатки воли, я решилась на то, о чем приличные шчеры знают разве что из криминальных сводок: укусила хелицерами.

Клыки скользнули из-под челюсти, чтобы нанести удар. Липкий яд растёкся по лицу: промахнулась. Еще удар! Кажется, в плечо. Эзер дёрнулся, вскрикнул и завалился вбок. Его сотрясали конвульсии, крылья хлестали по земле, а я валялась под ними в луже крови.

Послышались крики, кто-то сильный отбросил хищника.

– Жги, чего ждёшь! – приказал Гу. Это он сцапал меня и тряс за плечи, видимо, думая, что так быстрее разберёт, жива ли. – Эмбер-твою-мать-Лау! Зачем полезла в мешок?!

– Он светился...

– Ясное дело, светился, уж часа три прошло! – Гу перестал меня трясти и принялся охлопывать варежками, чтоб наверняка привести в чувства.

Над телом эзера разгорелся костёр. Чёрный вязкий дым стелился возле акридария.

– Но я думала, он мёртвый!

– Думала она. И это вон, болваны, думали! – пристыженные солдаты принялись энергичнее опалать труп. – Проворонили инкарнацию, а эзерам после неё всегда кровь нужна. Вот он тебя и... тюкнул.

Я тронула саднящий драный висок и сморщилась.

– Инкарнацию?

– Да ты, видно, ничего-то о насекомых не знаешь.

– Уж да, мы на мехатронике тараканов ещё не проходили, – я разозлилась по-настоящему. – Здесь же гражданским никто ничего не рассказывает! Мне бы хоть какой-нибудь справочник. Методичку или статейку, или хоть памятку.

– Пошли в мастерскую, авантюристка. Дам тебе... справочником по башке.

В бункере, с пакетом замороженных опарышей у виска, я впитывала наставления Гу:

– Первое, что следует уяснить об эзерах, – это их бессмертие.

– Как у наших диастимагов?

– Хуже. Хуже для нас. Любой взрослый эзер живёт вечно, а если вдруг погибнет, то инкарнирует. Возродится, восстанет. Воскреснет, мать его. Если труп не разорвать, не сжечь... или не растворить в кислоте, таракан полежит-полежит, да и обернётся в кокон.

– Это кокон светился красным?

– Он, да. Красный шёлк – значит, молодая была тварь, первой линьки.

– И этот шёлк их лечит?

– Да. А после даёт новую жизнь. Только они будто сами не свои, когда пробуждаются. Бездушные, хладнокровные. И до одури помешаны на крови.

По пути к бойлерной я удержала Гу за рукав и страдальчески заглянула в глаза:

– Только не говорите моим: я ведь не нарочно. Мне ведь и так досталось... Он умолял помочь, я просто напоить хотела. Что было делать? Я же не зверь...

– Полно!.. – отмахнулся эвакуатор. – Он бы и мать родную продал за глоток крови, так их ломает от инкарнации.

Разумеется, Гу был очень внимателен к моей просьбе не выдавать причину нападения.

– А дуре своей жалобной скажите, чтоб впредь не совалась в мешки для трупов, – объявил он родителям, пока те спросонья ошарашенно щупали мою битую башку. – Она там плеснула эзеру водички попить. Видали таких сестёр милосердия?

И бросил меня на растерзание. Под взглядом папы я вся съежилась. Подумала вдруг, что не так уж и плохо было бы умереть от глупости там, снаружи. Чем теперь от стыда здесь. Взбучка запомнилась надолго.

– Мало того, что ты бы сама погибла, – плакала мама, распутывая мне волосы, слипшиеся от крови и грязи. – Ведь ты подставила бы весь бункер, дай ему уйти. Эмбер, представь: он бы тебя убил и полетел к своим – докладывать, где прячется атташе Лау!

– Но я не хотела, мама! Пап, я думала, он там изранен и плох, еле жив! Я думала... я решила, что дам ему хоть подышать, а после побегу к майору и буду умолять помиловать. Пусть бы он остался в плену. Живой. Это благородно, это правильно, это гуманно... я думала. Ведь мы же – разумные люди!

– Они не люди, – отрезал папа. – Почему ослушалась приказа? Почему не позвала патрульных? Зачем сама полезла?

У меня сердце зашлось от серых молний в его глазах. Что сказать-то? Что ненавидела своих же, когда пытали эзера? А потом чувствовала себя предателем, предателем, мерзким предателем...

– Я случайно.

– Случайно?!

– Ну, нарочно! И что!

– А то, что ты – не разумный человек, Эмбер. Ты ещё глупый подросток. Девчонка, для которой всё это – игра в войнушку, из которой можно выйти по щелчку. Ты думала, здесь можно сесть напротив врага и сказать: слушай, приятель, стоп-игра. Давай я отнесусь к тебе по-божески, и мы всё уладим. И он растает, расплчется и раскается. Так? Так?!

– А я не хочу взрослеть, если это значит, стать бессердечной, – губы затряслись, я заплакала. – Пап, ведь я ни слова не сказала, когда вы там его... Я всё понимаю. Но он же никому не успел причинить вреда. Гу сказал: молодой, первой линьки.

– Первой линьки – это не старше девяноста девяти! – отец хлопнул по трубе, и я опять прокусила губу и слушала, как гремит сердце. – Я тоже всё понимаю! Да, мы его пытали. Да, жёстко и безжалостно. Но иначе тварь привела бы других тварей. За нами! За мной! За тобой, Эмбер! И ты не вымолила бы ни зёрнышка милосердия в ответ. Жестокость насекомых твёрже законов природы! Точка! – он сжал моё плечо, взглядом забивая правду глубоко в душу. – Мы для них – вот как для нас племенная саранча. Хуже! Способ утолить жажду, голод и похоть. Хочешь остаться человеком, говоришь, – тогда не верь эзерам, а убивай всякого на шести лапах. Ясно?

По правде, ему незачем было тратить столько сил, чтобы доказать, какая дочь идиотка. Я уже усвоила урок. Ещё там, у мешка для трупов.

– Ясно.

Несмотря на рассвет, папа выбежал из бойлерной, чтобы успокоиться, а мама повела меня спать. Она ничего не добавила, спросила только, укрывая мои ноги нежной паутиной:

– А если бы эзер убил кого-то из нас, ты по-прежнему видела бы в нём человека? Бросилась бы защищать?

– Конечно, нет.

– Ты храбро сражалась и убила своё первое чудовище. Но убийство – это зерно, Эмбер. Не дай ему прорасти. Гуманность одна для всех без исключения, но не потому, что кто-то другой – человек, а потому что человек – ты. Иначе твоя теория несостоятельна.

Я запуталась. То есть поступила вполне «человечно»: первым делом убила, а после... запуталась.

Глава 10. Злодей добивается своего

Небо над Рубигеей расколосось, лёд зазвенел по крышам разорённых хижин и по обшивке гломерид. Из космоса хлынул целый водопад света. Тяжёлые туманы разметала радужная взвесь из бриллиантовых капель. Не посадка звездолёта, а сошествие богини.

Сверкающий частный борт не успел приземлиться, а лёд уже растащили проворные рабы. Корабль затих, заняв место в ряду других гломерид. За прибытием гостей наблюдал эзер в чёрном капюшоне. Провалы глазниц в маске-черепе горели красным. Никто в своём уме не рискнул бы подойти к нему, разве лишь за смертью. Клинкет частной гломериды пшикнул, выпуская клубы фильтраата перед выходом пассажира, и эзер в чёрном хромосфене отвернулся. Напротив так красиво догорал захваченный Альдой посёлок. Глаз не оторвать.

– Ку-ку! – зазвенело мелодично, и ладони смерти нежнейшей, сладчайшей – обняли его сзади и прикрыли огни глазниц. – Угадай, кто соскучился?

Эзер напрягся, застыл, как ледник. Потом взял пальцы гостьи в свои и обернулся. Белый, будто пуховый, хромосфен. Крылья шелкопряда в бархатистой пылице. Даже в броне эта дьяволица была ангелом.

– Здесь не место для медиазвезды, Маррада, – заметил он.

– Я ведь говорила, у меня репортаж по заказу эзер-сейма.

– Ах, да. Кажется, ты упоминала, но невнятно: мешал член моего покровителя у тебя во рту.

– Берграй Инфер, не забывайся, – гостья металлизировала голос и отстранилась, высвобождая пальцы из его рук. – Ты знал, какая я. Видели фасеты, что лапки брали.

«Беспринципная, падкая на славу и деньги, самая прекрасная на свете шлю...бимая». О, эти мысли, став ежеутренней молитвой, давали облегчение.

– Знал, бесстыжая, – сдаваясь, смягчился Берграй. – И всё-таки зря ты явилась: для съёмок здесь слишком холодно и грязно. Да и нам не до тебя сейчас. Ему... не до тебя.

Белая смерть отмахнулась, несколько театрально вывернув хромосфеновые костяшки:

– А ему вечно ни до кого. Лучше прикажи меня проводить. Или лучше сам.

– Боишься столкнуться с Альдой? Не волнуйся, тебе не составит труда отыскать нужный штаб. Там вокруг всё, как у него дома.

Берграя осыпало пылью с роскошных крыльев. Снова он один, как в дурмане, наблюдал за тлеющим пожарищем. Нет, что за плутовка! Захотела, чтобы он своими же руками препроводил её к... А впрочем, Маррада наверняка ничего такого не замышляла. Нарочно мучают только те, кому не наплевать.

Над военным лагерем порхала бабочка-шелкопряд. Эзеры расположились неподалёку от Граная, на краю циклопического метеоритного кратера. Его глубокую чашу избороздили трещины и щели. В самом центре кратера качалась, балансируя на острой вершине, стеклянная пирамида. Что это было за здание такое удивительное, гостья и гадать не бралась.

Нужды таиться от караульных не было. Все знали Марраду Хокс, минори, светскую львицу, лауреатку медиапремий. Она предвидела: ещё до заката каждый солдат правдами и неправдами, под любым предлогом, через третьи руки или рабов выудит у неё автограф. Кремовые крылья будоражили смог в воздухе над лагерем. Вот позабытый ящик с провизией и нестройный ряд воланеров. Это всё было не то. Брошенный респиратор. Караульный завалился на шасси гломериды и спит. Не то. Не то.

За очередным воланером крыло ей обжёг тонкий луч. Маррада обернулась белой смертью и спешила. Лазеры блестели повсюду в этой части лагеря. Значит, бабочка была на правильном пути. Неопрятные владения сестрицы закончились, и начались меры безопасности, близкие к параноидальным.

Она предъявила визитку бодрому капралу на пропускном пункте. Удостоверение, пожалуйста. Карта – фирменная улыбка. Затем ещё двоим. Карта – улыбка. Подпись тут? И тут... Марраду начало потряхивать от выверенных по линейке указателей запретных границ, от дотошных часовых, исключительно прямых углов между контейнерами с провизией и штабелей с отходами, больше похожими на стопки учебников. Прав Берграй: зачем она здесь – эфирная муза в цитадели чёрствого, доведённого до крайности порядка? Дома, на астероидах, эта пугающая дисциплина не так бросалась в глаза. Но здесь – даже война была причёсана, приглажена. Только сумасшедший мог сортировать мусор там, где сам же устроил ядерный апокалипсис.

Пш-ш... – сделал клинкет.

Его каюта. Фильтры так освежали блок, что голова закружилась. Прохладный воздух подрагивал. Подошвы Кайнорта Бритца упирались в библиотечные полки на уровне глаз Маррады: рой-маршал полуобернулся стрекозой, чтобы цепляться за стеллажи хитиновыми лапами и освободить руки. Крылья трепетали, сохраняя равновесие эзера. Равновесие – в этом был он весь, изнутри и снаружи.

– Здравствуй, милая, – эзер оттолкнулся от полки и спустился к госте с «Грамматикой октавиара» под мышкой.

– Я думала, все эти книги здесь для красоты, – Маррада кивнула на галерею файлов. – Такие они... аккуратные. По цветам, по алфавиту...

– И по году выпуска.

– Говорят, если книги любят по-настоящему, в библиотеке хаос. Ну, знаешь, кофейные круги, заметки на полях, вавилоны начатых и брошенных томов. Крошки от печенья. А у тебя всё мертво.

Она сняла хромосфен, подставляя вырез на загорелом плечике для поцелуя. Лицо Бритца обдало травянистой свежестью от лавины волос Маррады.

– У меня всё в порядке. А бардак в том, что любишь, это не повод для гордости.

Рой-маршал был в футболке с дохлой божьей коровкой – лапками вверх – и надписью «Всё тлен». Его безмятежный вид возражал натянутой струне внутри зачехленной в обольстительный наряд Маррады. Ей стало тесно, душно. На своей или чужой территории, Кайнорт наступал первым:

– Ладно, ты чего здесь? – он запустил пальцы ей в волосы, намотал и потянул к себе. – Где-то не приняли мою кредитку?

– Нет.

– Коридор снаружи выложен красной дорожкой?

– Нет, Кай.

– О. Сдаюсь.

Лицо Маррады ласкало тёплым дыханием, но рука маршала удержала её от поцелуя за локоны, как за поводок. Это он-то сдаётся? Запрокинутой мордашке, поддавшейся кончику его пальца?

– Я... соскучилась.

Бритц увернулся от грешных губ.

– Кажется, со мной уже не проходят номера для двухсотлетних, – он отступил к стеллажу с пособиями по октавиарским диалектам. – Прости, у меня нет времени на интервью.

– Нет времени на меня?

– Не передёргивай. Маррада, я здесь на работе.

– Я тоже! Кай, я... летела почти неделю, прорывалась в зону боевых действий. А ты говоришь...

– В зону боевых действий? – переспросил Бритц. – Прорывалась? Маррада, милая, опомнись, мы ни с кем тут не воюем. Рядовой конец света для примитивной добычи. Эзерам ничто не угрожает. Рейтинги провалятся. Тебя уволят.

– А в эзер-сейме считают, что здесь творится история. Это они заказали материал.

Кайнорт сощурил алебастровые глаза. После третьей линьки радужки минори сидели, теряя окраску. Какого цвета они были до?

– Хорошо. С отбоя до без двадцати одиннадцать я в твоём распоряжении.

– Сорок минут? Ты шутишь?

– Мне важно хорошо выспаться.

И вернулся к пособию по шчерским идиомам. Чтоб уж если угрожать – так остроумно. Маррада заглянула ему через плечо на разворот вариаций со словом «убить».

– Нет света, нет воды, – бормотала она. – Дикость. Неудивительно, что и ты озверел... Как хоть здесь моются?

– Языком.

В его ответе подтаяла улыбка. Быстрым шагом – только так, иначе осечка – Маррада порхнула к Кайнорту. Её руки были слишком холодны, чтобы ласкать, но... как он сказал? Кончиком коготка она отвела воротник Бритца и коснулась кожи язычком. Смелее, вверх по плечу, шее, по заколотившейся вене – к тёплой жилке на виске, впитывая парфюм-эксклюзив: кофе и бергамот...

– Так?

Спросила на вдохе, а выдохнула уже ему в губы. Кай развернулся и захватил её, как анаконда. После горечи уличного смога его язык казался сладким на вкус. Гибкая и упрямая, Маррада извивалась в шести стрекозиных лапах и двух сильных руках. Цепкие когти разорвали блузу рядом с застёжкой. Он не скучал, нет. Он жаждал. Властвуя над всею влагой на планете, он упивался одним этим раскалённым зноем. С преимуществом третьей линьки, как полубог драйва и пламени, Кайнорт растрепал волосы бабочки когтями. Его руки высвобождали грудь Маррады из тисков корсета. Под шумное дыхание Бритц приподнял Марраду хвостом к себе на пряжку, поцеловал и швырнул на край стола.

Галактики голографических карт разметались и маялись, сверкали вокруг, не имея возможности вернуться назад. Их место заняли двое. Маррада сжала бёдра Кайнорта коленями и потерлась о мягкие брюки, – требуя, требуя... Она завелась от силы его желания. Ее пальчики порхали под хлопком с божьей коровкой. По напряжённому рельефу на животе. По позвоночнику Бритца вниз. Вдоль спины с пластичными перекатами мышц к чеканным плечам. Вокруг ремня... Кайнорт позволил расстегнуть пряжку, наконец приласкать себя. В ответ он прикусил ей острый сосок и слизнул боль прочь.

Маррада, уже не владея собой, распахнула крылья и впивалась ногтями в затылок эзера. Стол шатнулся под телами, когда стрекоза рывком распяла бабочку на списках пленных. Вдыхая голографические звёзды, Маррада судорожно дёргала ремешки на своих чулках. Сейчас же: долой влажные кружева, прижаться обнажённым пеклом к горячему, опасному, люб...

– Мне... – шёпот болезненно хриплый, – некогда.

– Что?

Кайнорт прыгнул со стола и отстранился, придержав Марраду за талию. Его не мигом отпустило. Ещё маниакально блестящие, глаза искали кратчайший путь от безумия к равновесию.

– Надо идти, – голос вернулся в безразличное русло. Дыхание эзер укротил, пока застёгивал брюки.

– Кай!

– Дело жизни и смерти.

Он выскользнул за клинкет. Ещё не вполне в сознании и надеясь подавить эрекцию по пути.

Маррада качалась в расхристанном наряде и пыталась прийти в себя. Между ног ломило – сладко, тяжело. Вдо-ох – выдох. Засаднили царапины от стрекозиных лап. На спине, шее. В пылу похоти она их не чувствовала. Символическая плата за близость с хищным эзером: автограф зверя. Маррада поёжилась и натянула рванный лиф.

Хотелось свежей крови.

* * *

Поперёк коридора тянулся стеклянный заслон. Он отделял основной рукав от закутка без окон и дверей. Изнутри закуток медленно наполнялся влажным чёрным песком – тем, в котором нельзя засыпать. В песке, глубиной уже до подмышек, барахталась шчера. Она не знала первого правила букашки в трясине: расслабиться, а если бы и знала, ничто в мире не заставило бы ему подчиниться. Давление песка не давало вдохнуть полной грудью, и пленница, уже не чуя ног, в паническом смятении делала себе только хуже. Для шчеры четыре стены вокруг были глухим бетоном. Стекло просматривалось только снаружи, и Альда едва не касалась заслона носом, изнемогая в нетерпении.

– Я ничего не знаю! Я не знаю! Не зна-аю! – пластинка за стеклом не менялась часа полтора.

– Ну... ну же... – Альда притопывала каблуком по полу, когда почуяла рой-маршала. – Бритц! Где тебя носит?

Он материализовался – иначе не скажешь – из темноты коридора и коснулся сенсора на стекле, убавляя звук криков.

– Уточнял спряжение глагола «увязнуть» на октавиаре.

– Зачем ты её заткнул?

– Соблюдаю акустическую гигиену. Я читаю по губам: она всё ещё не знает... не знает... ничего не знает.

Альда косилась на него сбоку. В профиль глаза Бритца были совершенно прозрачными, отполированными лупами.

– Значит, твоя зазноба явилась, – усмехнулась Хокс, жадно охотясь на его реакцию.

– М-м, – рассеянно моргнул Кайнорт. – Шчера говорила что-нибудь кроме этих четырёх слов?

– Нет. В помойку эти твои штучки! – она покрутила пальцем у виска. – Мой экзекутор час назад вытащил бы из неё координаты бункера.

– Вы, госпожа, вольны пытать своих пленных, как считаете нужным. Но это моя добыча.

В такие моменты Альде хотелось его стукнуть. Треснуть упрямого отморозка, разбить его ледяную корку, чтобы хоть одним глазком взглянуть: да есть ли там внутри кто-нибудь живой? Или сгинул столетия назад.

– Ну, согласись, – рассуждала она, – если хочешь послушную рабыню, физической боли не избежать. Я знаю, тебе ближе ломать внутренне, но с пауками нет ничего лучше старых добрых ударов током.

– Зачем? Она всё равно заговорит так или иначе, но будет счастлива, когда её выпустят. А не помешана на идее меня убить.

– Чёрта с два: дура хлебнула песка, – фыркнула Хокс. – Всё кончено.

Шчера попыталась лечь на спину, чтобы перестать тонуть, но опоздала, и провалилась с головой. Бритц вернул звук на прежний уровень. С той стороны стекла заскобила худая рука. Грязное лицо, вынырнув на секунду, закричало:

– ...скажу! Пустите, всё скажу!..

Кайнорт отдал команду на пульте и тронул Альду за плечи, поторапливая отступить на пару шагов от стекла. Барьер стал опускаться. Из закутка посыпался чёрный песок – струйкой, фонтаном, и наконец валом повалил. Вместе с ним под ноги эзерам упала пленная шчера.

Она плевалась песком и дрожала. Откуда ни возьмись, в руках Бритца возник термос воды. Не обращая внимания на грязь и не пытаясь отцепить чумазные пальцы от своих брюк, он помог шчере отпить из бутылки и умыться.

– Ну? – потребовала Альда, отряхиваясь.

– В Вермильоне они, – шептала паучиха, ощупывая новенький ошейник. – Бункер, в котором прячется атташе Лау, находится в регионе Вермильон.

– Откуда тебе известно? – спросил Бритц.

– Между бункерами налажена связь, и недавно наш эвакуатор обмолвился, что где-то там обживает семья посла с Урьюи. Уитмас, Амайя и двое детей.

– Имаго? Диастимагия?

– Да помилуйте, минори, откуда же мне знать!

Несуразная, запуганная девчонка с тревожным взглядом. Её взяли в слабо защищённом убежище по наводке местных.

– Не переживай, Лимани, – эзер посмотрел на неё сверху вниз, не опуская головы. – Ты действуешь на благо шчерам, просто они этого не понимают.

– Вы убьёте меня быстро? Пожалуйста...

– Вставай. Идём за мной.

Лимани потащилась за насекомыми, непрерывно ощупывая обновку. Ей ещё предстояло узнать, что гладкий ошейник перестанет мешать уже дня через три. И что теперь она сможет выпускать клыки, но не превращаться.

– Умно с бутылкой, комбинатор, – похвалила Альда.

– О чем Вы?

– Ты открыл для неё новую. Как для... равной.

Бритц посмотрел на бутылку, будто видел её впервые, но ничего не сказал. Альда остановилась, припоминая:

– Кстати, тот дозорный воланер... Он пропал где-то в Вермильоне, но следов мы так и не нашли. Значит, там действительно есть бункер, серьёзный, с оружием.

– Дозорные вылетают, как я просил?

– Исключительно с полуночи до рассвета. Только не пойму, зачем. Шчеры смекнули, что мы вылетаем по расписанию, и в эти часы тихарятся. Внезапностью их не взять. Плохая была затея.

– А воланер этот пропал по расписанию?

– Нет. Он чинился и запоздал.

Кайнорт улыбнулся:

– Прекрасно. Не шчеры смекнули о расписании, Альда. Мы их выдрессировали, – он прикрыл веки, как сытый кот. – А внезапность ни к чему. Достаточно сократить место поиска так, чтобы уложиться в один час. Сегодня в полночь пусть вылетают, как обычно. Пошумят, постреляют барьяшков. Как только вернутся, мы тихонько обследуем весь сектор. Гектар за гектаром.

– Но бункер успеет спрятаться.

– Бункер – да. Следы останутся. Теперь мы знаем, где искать: ветер и солнце не успеют их замести.

Альде даже позавидовала, что блестящая идея пришла не ей. В который уже раз надо было отдать должное опыту проходимца. Опыту и исключительному таланту быть злодеем.

– Лимани, – щелкнул Кайнорт, и шчера втянула голову в плечи – так, будто её учили этому с детства. – Умеешь варить ботулатте?

– Нет, минори.

И снова сжалась в ожидании не то удара, не то крика.

– Приведи себя в порядок. Потом найдёшь Ёрля.

– Кого?..

– Ёрль Ёж – главный по персоналу. Он научит обжигать зёрна и карамелизировать миндаль. Подашь мне в каюту две чашки минут через сорок. Яд отдельно.

Лимани дёргано кивнула и отправилась, куда указали.

– «По персоналу», – усмехнулась Хокс. – Не перестаю удивляться, сколько у тебя терпения. Любишь ты носиться с рабами: пояснять им, разжёвывать.

– Что касается ботулатте, лучше потратить лишнюю минуту, – возразил Бритц, – чем умереть в страшных муках из-за невнимательности баристы.

– Я не только об этом. Ты вечно...

Альда еще что-то говорила о неприемлемом для хозяина поведении, но Кайнорт не дослушал: показалась его каюта, и... пш-ш... Он скользнул за клинкет, как призрак сквозь стену.

Коридоры, чёрный песок – всё испарилось. Маррада выкинула козырь: она ждала на краешке стола во всеоружии. Тихая, обнаженная, с распущенными по плечам волосами и расprostёртыми крыльями. Укрытая свежей вуалью весенних лугов. Молекулы её аромата Кайнорт уловил из коридора. Он приблизился, и у Маррады побелели костяшки, так она вцепилась в столешницу. Чтобы не как всегда. Чтобы не первой. К чёрту, пусть он теперь! Не вынимая рук из карманов, Бритц задышал ей в ушко с бриллиантовой капелькой.

– Я люблю тебя, Маррада.

Он выпустил стрекозиные лапы и хвост, сцапал бабочку и взмыл с нею к иллюминатору. Распластал на бронированной панораме, как на витрине, лицом к метеоритному кратеру. Соски обожгло холодное стекло, а спину горячие пальцы. Двое видели всех, а их – никто.

– Полчаса до ботулатте, – Бритц коснулся своего позвонка, обнажаясь.

– Мало...

– Значит, остынет.

Панорама запотела целиком, прежде чем прибыл кофе.

* * *

Под утро Вермильон закутался в туманы. Альда ослабила мощность эмиттеров, и ночью на холмы опустилась взвесь из мороси. Сыро стало. Дышалось тяжело.

На поиски бункера отправились тишайшие из следопытов: Ёрль Ёж и Бритц. Они сели в глухом дремучем овраге, прикрыв воланер валежником, и ждали сигнала. Место, на которое указала Лимани, оказалось недалеко. Тот же континент. Та же широта. Если шчера не солгала, атташе Лау всё это время был у озера под носом.

– Дозорные вернулись на базу, Кай, – доложил Ёрль. – Бункер, где бы он ни был, вот-вот повернётся.

– Отлично. Подождём ещё несколько минут.

Старик Ёрль из расы гиеновидных ежей растопырил иглы на затылке, как капюшон, и сверлил Бритца чёрными стеклярусами глаз:

– Мне показалось, или ты мандражируешь, лис пронырливый?

– Ёрль, – рой-маршал сглотнул пересохшим горлом. – Дозорный пропал – ставлю миллион зерпий, они уже знают, что Уитмаса ищут. И знают, кто именно. Бун-штаб готов биться до последнего.

В такие моменты старик ёрничал: мол, это ж надо умудриться так жить, чтоб тебя смертельно ненавидели все, с кем ты даже не знаком. Но сегодня разумнее было промолчать. Сегодня алгебраически строгие черты и сверхточные движения рой-маршала были холоднее обычного, а это значило, что он на взводе.

– Что с семьёй Лау? – уточнил Ёж.

– По протоколу. Братъ живьём и ждать меня. Не упустите: жена и двое детей.

– Все хочу спросить: а как ты собираешься говорить с Уитмасом? На дипломатическом? Кайнорт фыркнул:

– На нём трудно вести шантаж, Ёрль. Дипломатический ведь так и задумывался, ты в курсе?

– Но ты убил ружейника у Берграя, помнишь? Парень был единственным, кто свободно владел октавиаром.

– Что ж, – криво улыбнулся рой-маршал. – Значит, Уитмасу Лау будут угрожать с акцентом. На худой конец, язык керамбитовых лезвий понятен всем.

Он проверил время и поманил сколопендр. Чуйку и Ньюсса – биомеханических тварей из титана и обратных белков – никто не любил. «Поэтому Кайнорт завёл себе сразу двух», – шутил Ёрль. Твари выползли из воланера и заюлили у ног Бритца. Их вывели в качестве служебных псов, ищеек и компаньонов, но из-за чрезмерной агрессивности лишь единицы справлялись со зверюгами. Вставая на дыбы, те достигали метра в высоту. Триста пар кривых лезвий бряцали коготками, металлические жвала клацали, приносясь к туману. Два проволочных волоса виляли в предвкушении приказа.

– Скажи им, пусть не направляют на меня хвосты, – проворчал Ёрль.

– Это не больно для такого громилы, как ты, – отмахнулся Кайнорт, почёсывая нетерпеливую тварь. – Щелчок и всё.

– Зато смертельно! Не хочу, чтобы мне все белки переиначило.

– Я же здесь. Если посмеют, я прикажу им щёлкнуть тебя обратно.

– Ой ли...

Ёж тут же спохватился, но сказанного не воротишь.

– Ёрль, – эзер и сам знал, какую боль причиняют слова, когда не те, не в том порядке или не вовремя. – Давай-ка начистоту, мы всё как-то скомкано об этом... Скажи, по-твоему, ты мне кто?

– Сейчас-то ни дать ни взять – время выяснять, кто есть кто! Ну, вырвалось, прости меня! Прости.

По глазам Бритца старик понимал, что с каждым словом только глубже закапывается. Рой-маршал отпустил сколопендр на разведку по влажным дюнам и вернулся к ежу:

– Ты считаешь меня хозяином?

– Не сейчас, бога ради!

– Нет, именно сейчас, Ёрль, – возразил он, цепляя взгляд старика. – Потому что... знаешь, что?.. Мне жутко.

– Жутко? – переспросил ёж, будто впервые слышал это слово из уст Бритца.

– Я иду убивать. Убивать, а после жить, как ни в чём не бывало. Разок можно, ну, два. А я делаю это каждый день. – Бесстрастный тон пробирал до мозга костей. – Мне нужен рядом кто-то – мудрее? Нет, не то. Кто-то морально выше, но обязательно на моей стороне. Понимаешь? Иначе мне конец. Ёрль, я не хочу, чтобы ты отстранялся. Отшатывался в страхе, когда мне нужно на кого-то опереться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.